ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ
БЛУЖДАЮЩИЕ
ТЕНИ

Евгений Щепетнов
Блуждающие тени

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958628
Блуждающие Тени: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1336-2

Аннотация

Куда исчезли жители Аркаима? Как избавить людей от страшных болезней? Как сбежать от недреманного ока могущественной спецслужбы? Как стать волшебником и чтобы ничего за это не было? Он узнает все и постарается выжить – и в нашем мире, и в параллельном. Но сделать это будет ой как трудно…

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	72
Глава 4	105
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Евгений Щепетнов
Блуждающие тени

Какой таинственной казалась мне та ночь,
Я затушил свечу и стал ждать, чего – не знаю.
В тишине вдруг представилось мне
Блуждают тени возле дома разных сказочных зверей…
«Король и шут»

Глава 1

Сколько помню себя – я никогда не болел. Нет, вру – болел, но как бы это сказать… чихнул пару раз, и все – болезнь убиралась от меня, как будто меня напичкали антибиотиками или же сделали кучу уколов. Даже когда в нашем классе, а потом в университете свирепствовали эпидемии гриппа, я ходил по опустевшим коридорам учебных заведений с видом победителя – хрен вам, а не комиссарского тела! И это при том, что спортом я особо-то не занимался, никогда не злоупотреблял физкультурой или какими-нибудь оздоровляющими упражнениями.

Чем горжусь? Тем, что, как сказал знакомый медик, от предков мне достался невероятный иммунитет? Да, горжусь, а почему бы нет? Моя прабабушка с маминой стороны, про-

стая деревенская баба, дожила до ста семнадцати лет. Кстати – по дошедшим до меня слухам, она была деревенской колдуньей и уходила из жизни очень тяжело.

Как-то бабушка виновато сказала моей матери: «Она так просила взять ее за руку – взяла бы, она бы так не мучилась! Никак не могла уйти… так и померла в муках, ругала меня все. Она же должна была передать свою силу мне, а не вышло. Мне бы тогда пришлось передавать силу Петьке… ну ее, силу эту. Прожили жизнь как люди, и слава богу! Эй ты, шпана, ну-ка хватит подслушивать!» Я с позором был изгнан из-за кухонной двери и бит веником.

Я тоже ничем не отличался от всех окружающих – ну кроме, как сказал, отменным здоровьем, которое не могли пошатнуть никакие СПИД или проказа. (Тьфу-тьфу! Как говорила бабушка, язык мой – враг мой!) Дожил я до двадцати двух лет спокойно, сытно и весело – пока не случились эти события, перевернувшие всю мою жизнь…

Этот день начался как обычно: я пришел в фирму по ремонту сложной бытовой техники – телевизоров, мониторов и всякой такой хрени, взгромоздился в свое кресло, предвкушая чашку кофе и общение в скайпе с друзьями, а уже после плотного возлияния и общения собираясь наконец проверить этот чертов ящик, занимающий половину моего рабочего места.

В огромном зале было светло и прохладно, гудела аппаратура и пощелкивали выключатели, у входа в зал скапли-

валась небольшая группка знакомых и знакомых знакомых мастеров, ожидающих выхода своего благодетеля к столу охранника – нормальная обстановка сервисного центра по ремонту, к которой я привык за полгода, что здесь работаю, и которая вызывала только скуку и больше никаких эмоций. Платили здесь неплохо, и после окончания физмата я устроился сюда работать через папиного приятеля, имеющего какое-то отношение к системе этих сервисов.

Так-то работа меня не напрягала, мне с детства нравилось возиться с приборами – дома имелся осциллограф и различные причиндалы для ремонта техники, так что тут я был, можно сказать, на своем месте. Амбициозностью я не обладал – хватает на жизнь, на одежду, обувь, на пиво и сходить в клуб с девчонкой, и ладно. Ну да, хотелось бы там мотоциклет с визжащим глушителем, и чтобы девка прижималась ко мне голыми сиськами, смеясь и размахивая снятой майкой, но я смотрел на жизнь реально: на хороший моцик надо много денег, а на плохом только позориться, что касается темы сисег – конечно, вниманием не был обижен, но и сексуальным маньяком не числился. В общем, среднестатистический парень, каких миллионы и на которых держится весь мир. Так я считал до этого дня…

Закончив свои делишки и искоса поглядывая на приближающегося ко мне начальника группы, я с умным видом снял заднюю крышку телевизора и погрузил свои умелые руки внутрь, автоматически, как последний лох, цапанувши

обеими руками за внутренности аппарата…

Что происходило в течение последующих десяти минут, я не помню. Мне рассказывали, что я вскрикнул и с грохотом свалился на каменный пол, ударившись об него головой с таким стуком, что услышал даже охранник в двадцати метрах от меня.

Подбежавший ко мне начальник группы кинулся слушать сердцебиение – его не было. Минут пять я лежал на полу в окружении толпы тупо взирающих на меня соратников, пока их не растолкал с матерными выражениями и пиханием локтями старый мастер, хромой, перекошенный на одну сторону Василий Петрович, работавший по вызовам еще в советское время.

Он кинулся ко мне и с силой ударил несколько раз по груди сложенными вместе кулаками, прямо в сердце. Потом на этом месте у меня был огромный синячина, и сильно болела грудь – мастер был сухонький и старенький, но ходьба с клюшкой так натренировала его руки, что он бы мог гнуть ими подковы… Сердце снова пошло.

Сколько я был в состоянии клинической смерти? Никто не знает. Одним показалось, что прошло минут десять с того момента, как мое сердце остановилось от удара током, другие говорили, что прошла всего минута. Я благодарен судьбе, что рядом оказался этот злой, перекошенный жизнью старикашка – старый мастер Петрович, ему я и благодарен за все, что со мной случилось дальше. Иначе я бы уже лежал за же-

лезной оградкой, под дурацким памятником с еще более дурацкой фоткой, которую достали бы из моего университетского альбома.

Пробуждение было странным – я не понимал, где нахожусь. Надо мной, в необъятной вышине, плавали знакомые лица, но я никак не мог сосредоточиться и узнать их – вроде лица знакомые, но имена вылетели из головы, и все тут! Потом зрение сфокусировалось, и я узнал Петровича, он произнес три слова, два из которых были матерные, присовокупив:

– Чуть парня не загубили, болваны! Вот вам урок на будущее – не хватайтесь ручками погаденькими за что угодно, не подумав! – Дальше следовал непереводимый фольклор в мой адрес, безрукого придурка с кривыми руками.

Вот интересно, как могут сосуществовать эти два взаимоисключающих факта – безрукий криворукий придурок? Ведь если у меня нет рук, то как они могут быть кривыми? Логичность этой мысли и сам процесс размышления разогнали мой мозг, и я все-таки осознал, что со мной что-то не так, и понял, что лежу на полу в окружении толпы любопытных людей, воспользовавшихся случаем, чтобы увильнуть от трудовой деятельности.

Тут же в голову ударила боль от столкновения с каменным полом – ощупав затылок, я обнаружил на нем страшнейшую шишку, размером с яйцо, не меньше. Голова сразу закружилась, и меня затошнило, что тотчас разогнало любопытству-

ющих подальше от меня: смотреть, как помирает знакомый, довольно весело и интересно, а вот получить порцию блевотины на ботинок – не так забавно.

Впрочем, содержимое желудка – два яйца всмятку и бутерброд с сыром-маслом – я все-таки в себе удержал, но мне было реально хреново.

С помощью начальника группы Андрея я сел в свое кресло, откинулся на спинку и замер, пережидая очередной приступ дурноты. В глазах плавали мошки, какие-то веревки, нитки и сетки – такой гадости никогда не видал. Сколько ни моргал – нитки-шнурки никуда не девались, насылая на меня тошноту и боль. Закрыл глаза.

– Ну что, Михайлов, может, «скорую» тебе вызвать? А может, без «скорой» обойдемся – поедешь домой, я тебя отвезу! Ты сегодня не работник, это точно! – Жизнерадостный голос начальника группы ремонтников Андрея просто сочился сочувствием, а в моей больной голове неожиданно вспыхнула картинка: Андрей на пляже, рядом с загорелой телкой и бутылкой пива.

Я встряхнул головой – ясно, да, хочет воспользоваться случаем и свалить из офиса, чтобы потом сквозануть на пляж и позагорать. Похвальное желание – в такой ясный летний день смотреть на скучные рожи коллег и слушать гул неоновых ламп это просто извращение. Почему бы не помочь человеку принять правильное решение? Да пусть едет, пусть окажет помощь своему подчиненному.

– Да, Андрей… что-то мне нехорошо… отвези меня домой, на улицу Котовского. Знаешь, где это?

– Знаю, конечно, не вопрос! Не заблюешь мне сиденья? Как чувствуешь себя?

– Нормально… почти. Возьми на всякий случай пакет с собой, вдруг что – я в него поблюю. Поможешь мне дойти? Я что-то хреново вижу – в глазах мельтешит все, не пойму ничего. Отлежусь дома, а там видно будет, что делать… Может, в больничку схожу.

– Ага. Только это, Петь… в больничке скажи, что дома упал, после работы, ладно? А то нас премии лишат. А мы тебе тут больничный нормально закроем, отпуск еще сделаем… Лишнего не говори, ладно? – Простодушно-хитрое лицо тридцатилетнего начальника озарилось внутренним светом от осознания своей правильности и ума: вот, мол, какой я – и товарищу помогу, и производству не наврежу.

– Ладно, ладно, помогай давай, а то я опять грохнусь, – досадливо сказал я и, пошатываясь, встал с своего рабочего места.

Окинул взглядом стол – телефон не оставил, документы на месте – можно и валить отсюда. Отлежусь с недельку, отдохну и снова сюда. Тогда я не знал, что на своем законном рабочем месте был в последний раз…

Поддерживаемый под локоть начальником, предвкушающим жар песка и холодное пиво в горло, я вышел с ним к «Логану», втиснутому у входа в сервисный центр. Андрей

распахнул правую дверцу и, следя, чтобы несущиеся по полосе автомашины не снесли нас вместе с ней, усадил меня на сиденье, захлопнул дверцу и пошел на водительское место.

Он обходил машину спереди, и, сфокусировав глаза на нем, я с отвращением заметил, что на его шее сидит какая-то пакость – что-то вроде слизня или этакого мешочка, ритмично раздувающего бока, как будто пьет из него кровь. От этой твари тянулась нитка ярко-красного цвета, уходящая куда-то вдаль. Андрей невозмутимо уселся за руль, вставил ключ в замок зажигания, завел автомобиль и только тут увидел мой странный взгляд.

– Ты чего? Чего смотришь на меня, как будто увидел морского змея? Что, поблевать хочешь? Дать мешок?

– Давай… – протянул я неуверенно, потом решился: – Слушай, Андрей, чего там у тебя на шее?

– А чего у меня на шее? – Он провел рукой по затылку, посмотрел на ладонь и с подозрением взглянул на меня. – Чего ты там увидал?

– Ты ничего не чувствуешь? Совсем ничего?

– Да что я должен чувствовать-то? – начал сердиться Андрей. – У тебя что, глюки?

– Наверное, да, потому что я вижу какую-то тварь, присосавшуюся к твоей шее! – выпалил я, будто бросился в ледяную прорубь.

– Э-э-э… братец, что-то все-таки у тебя с головой. Сейчас, как приедешь, ложись в постель, выключай всю муру типа

телика и компа и спи. Проспишься – будешь как огурчик, и никто ни у кого уже не будет сидеть. Если только это не телка на коленях…

Машина вывернула в поток и понеслась по полузабитой транспортом улице.

Дорога к дому не заняла особо много времени – через двадцать минут я уже стоял перед подъездом своей пятиэтажки, а спустя еще минуту медленно поднимался по затертой тысячами ног лестнице на пятый этаж, где и проживал все двадцать два года своей жизни вместе с матерью и отцом.

Вернее, двадцать один год вместе с матерью и отцом – последний год мы жили с матерью вдвоем, отец умер после недолгой болезни, сгорел за четыре недели, врачи сказали, что у него рак толстой кишки. Он несколько месяцев жаловался на боли в желудке, но терпел. А когда обследование показало, что он болен раком, было уже поздно… Мне до сих пор не хватает его, и я не могу привыкнуть к его отсутствию – вот и сейчас мне казалось, что он откроет дверь и, подмигнув, скажет: «Что, сбежал с работенки? Да наплюй – выкрутимся! Было бы здоровье!» Увы, не дал Бог здоровья, не выкрутились.

Звонить в дверь квартиры я не стал, все равно дома никого нет – мать работала экономистом в каком-то учреждении, связанном то ли с сельским хозяйством, то ли с собесом, и наверняка была на работе. Впрочем – к лучшему: объяснять, что со мной случилось, отбиваться от попыток вызвать «ско-

рую помощь» у меня совершенно не было сил. Так как опыта болеть у меня не было, переносил я свое болезненное состояние очень плохо: жизнь казалась отвратительной, будущее – бесперспективным и тусклым, и вообще хотелось умереть.

Под воздействием депрессии я прошел на кухню, где в шкафчике стояла бутылка коньяка, который мать добавляла в тесто для тортов и печенья. Баловала нас она этим делом редко, а после смерти отца вообще ничего не пекла, так что этой бутылке было минимум два года, и я боялся, что коньяк совершенно выдохся.

Нет, не выдохся – налив в граненый стакан грамм сто пятьдесят этой гадости, я залпом вылил в себя жгучую жидкость, едва не сфонтанировав, как нефтяная скважина.

Удержав в себе эту пакость, скорее убрал бутылку на место и максимально быстро пошел в свою комнату, пока стресс и алкоголь не взяли надо мною верх. Плюхнувшись на кровать, почувствовал, как коньяк впитывается в кровь, растворяется внутри меня и окутывает мозг теплым одеялом, отгоняя дурные мысли, депрессию и странные картинки, лезущие мне в глаза. Последнее, что я подумал: «Отлежусь, все нормально будет». И уснул.

Проснулся я уже вечером, когда грохнула входная дверь и в квартиру вошла мать. Она прошла сразу на кухню, опытным глазом увидела, что я брал бутылку с коньяком, и с трагическим выражением лица прибежала ко мне в комнату.

– Что с тобой? Ты *пьешь?* Ты спиваешься! Твой дедушка

Григорий пил горькую, и гены передались тебе! Это все отцовская родня. Их дурное влияние!

– Мам, ну ты чего?! Просто мне было плохо, депрессия, и еще – я ударился головой, вот и полечился немного. Ты же знаешь, я не пью! Сто раз же тебе говорил!

– Не пьешь? Ты употребляешь наркотики? Мне рассказывала Мария Федоровна на работе – вся молодежь сейчас пьет и употребляет наркотики! Сынок, признайся – если вовремя полечить, мы спасем тебя! Я продам бабушкино кольцо, возьму кредит в банке, и мы тебя полечим! Сынок, признайся, ты наркоман?

– Мам, ты с ума сошла? Если я не пью, значит, наркоман? А если выпил сто грамм, значит, алкоголик? Ты хоть понимаешь, что это взаимоисключающие заявления? Отстань от меня! Не пью я и не нарк! И даже не курю, как ты знаешь! Лучше пожрать чего-нибудь сделай, я с утра ничего не ел!

Под причитания матери я потащился в ванную, разделся и встал под душ, смывая горячей водой пот, оставшийся после дневного тяжелого сна, и головную боль от удара об пол. Перед тем как пройти в душ, я украдкой внимательно посмотрел на мать – нет, никаких чудовищ на шее или еще где-либо не увидел, хотя пространство так и было заполнено нитками – красные, желтые, черные, зеленые и серые – всех цветов и оттенков, каких только не было! Попробовав потрогать нити, убедился: я никак не могу на них воздействовать, эти нити струились, как какие-то лучи, если подставлял руку –

они проходили через нее, не оставляя никаких следов и не давая никаких ощущений.

Приняв душ, я надел треники и майку и пошел в кухню.

Мать гремела посудой – покосилась на меня:

– Садись. Я пельменей сварила, ешь. Сегодня не пойдешь никуда?

– Нет, скорее всего не пойду. Говорю тебе – сегодня упал, ударился головой. Сильно. Вот и лечился… глянь, шишка тут какая была!

Мать подошла ко мне, ощупала голову, ахнула:

– Давай «скорую» вызовем! А если трещина в черепе?! А если ты вообще с ума сойдешь с такой травмой? Я, когда маленькая была, у нас в детском саду один мальчик с качелей упал, так у него с головой что-то случилось: он уверял, что видит чудовищ всяких, – (я при этом поперхнулся и долго откашливался под сочувственным взглядом матери), – плакал, спать перестал. Его забрали из садика, говорили – лечили долго, но так и не помогло. Не знаю, что с ним потом было. Вдруг и у тебя с головой что-то? Надо врачу показаться обязательно! Завтра прямо с утра и пойдешь! И не возражай, не возражай! Я сейчас позвоню тете Оле, у нее хирург знакомый есть – пусть завтра осмотрит, а чтобы ты не сбежал, я завтра сама с тобой пойду. Знаю тебя, негодника, – скажешь, что был у врача, а сам сбежишь!

Мать немедленно приступила к боевым действиям – набрала по сотовому телефону родную сестру, тетку Олю, рас-

сказала, как собирается меня взять в полон и подвергнуть унижениям с помощью осмотра у хирурга, и моя судьба была решена: десять утра, Первая клиническая больница, доктор Симонович.

Ночь прошла тихо – я спал как убитый, провалившись в сон в девять часов вечера, будто бы и не проспал весь день. Это было странно, так как я обычно ложился поздно, очень поздно: пока полазишь по Сети, пока почитаешь, а то вдруг возникнет мысль поиграть в сетевуху какую-нибудь – смотришь, уже час-два ночи. Утром со скрипом встаешь на работу и сидишь там до обеда с чугунной башкой – скорее всего, это и было причиной, по которой я допустил такую элементарную ошибку и подставился под удар током в несколько тысяч вольт.

Утром мать торжествующе повела меня в больницу – лучше нет развлечения для матерей, чем залечивать своих несчастных чад. Материнский инстинкт, страшный и не рассуждающий, заставляет пичкать своих детинушек лекарствами, парить им ноги и ставить банки, даже если они уже на голову выше матери и весят в два раза больше, вот как я.

Выход на улицу стал для меня потрясением, какого я не испытывал еще никогда: нити никуда не делись, а улицы были заполнены людьми, на которых сидели чудовища различного вида и расцветок – как и нити, идущие к ним, они были всех цветов радуги и располагались где угодно, от шеи до гениталий. Жутко было видеть, как навстречу мне идет де-

вушка в легкомысленных шортах, облегающих ее красивые бедра, а внизу живота у нее, как этакий горб, висит противный фиолетовый мешок, пульсирующий наподобие сердца.

Я проводил взглядом несчастную, подумавшую, что я заглядываюсь на ее попу, и презрительно фыркнувшую при виде простого парня в дешевых кроссовках и джинсах не от Версачи, и, со смятением в голове, пошел дальше, опасливо поглядывая на мою конвоиршу – не дай бог, она узнает, что я вижу чудовищ! Судьба мальчика из ее детства не вдохновляла меня на откровения.

Вообще, давно сделал вывод: чем меньше рассказываешь матери о своих недомоганиях, тем меньше шансов их усугубить – залечит к чертовой бабушке.

Но деваться было некуда – я любил свою мать и расстраивать не хотел, она и так чуть ума не лишилась после смерти отца, пусть уж покомандует, переживу.

По дороге в больницу я насчитал несколько десятков людей, на которых сидели чудовища. Сообразить, что бы это значило, я не мог – предположения были, но настолько фантастичные, что не укладывались в голове, болевшей после вчерашнего падения и возлияний коньяка; я ведь на самом деле почти не пью… ну так, изредка, в компании, и потом сильно от этого болею.

– Ну что, молодой человек, на что жалуетесь? – жизнерадостно спросил меня доктор лет сорока пяти, в белоснежном халате, с щеголеватыми усиками над губой.

– На маму. Еще – нет мотоцикла. Зарплата не очень. Еще, может быть, какие-то жалобы вам сообщить?

Доктор сразу притух, жизнерадостная улыбка увяла, и он взглянул на мою мать.

– Тяжелый случай. Говорите, головой ударился? Никак не проявлялось? Тошнота, рвота? Какие-то отклонения в психике? – Он взял со стола снимок моего черепа, экстренно сделанный в рентгенологическом кабинете, и посмотрел на свет. – Нет, трещин вроде нет. Ну что, юноша, так и будете отмалчиваться и тревожить свою мать? Может, все-таки расскажете о своих симптомах?

Что меня дернуло, я не знаю – то ли был приступ хулиганского настроения, то ли раздосадовало обращение со мной, как с маленьким ребенком со стороны матери и этого жизнерадостного доктора, – только я взял и со зла ляпнул:

– Вижу на вас, в области поясницы, сгусток вроде слизняка, от которого тянется серая нить. Вижу чудовищ на других людях – не на всех, правда, но на многих. Еще вопросы?

Врач с интересом посмотрел на меня, покосился на мою мать и с облегчением сказал:

– Не мой профиль. Это вам надо к Льву Филипповичу, в тринадцатый кабинет, сейчас я вам направление к нему дам. С моей стороны никаких нарушений не замечено – череп цел, и вообще, на удивление *физически* здоровый человек, соответствующий своему возрасту. Вы не спортсмен, молодой человек? – Врач быстро писал что-то на листке. – Нет?

А такой здоровый! Может, потому и здоровый! – усмехнулся он и протянул моей матери листок с непонятными каракулька-ми. – Сходите к Льву Филипповичу, он вам что-нибудь по-советует…

Мы вышли из кабинета, я плотно закрыл за собой дверь и огляделся – больница была полна людей, на которых сидели чудовища – от маленьких, размером с мандарин, до огром-ных, похожих на пульсирующий воздушный шар метр в диа-метре.

Такой шар висел на молодой девушке с интересным ли-цом, которая с трудом шла на костылях, сопровождаемая врачом и женщиной лет сорока – видимо матерью, с запла-каннными красными глазами. Мне стало тошно, и я отвел взгляд.

Мать мне что-то говорила, плаксиво морща лицо, убеж-дала – непонятно в чем. Я лишь разобрал из ее слов, что со-вершенно необходимо сходить к Льву Филипповичу – он на-стоящий психиатр, старой школы, он обязательно разберет-ся с моим недугом и поможет!

– Психиатр? Какой психиатр?! Это он меня к психиатру отправил? – с недоумением переспросил я, разглядывая бу-мажку с каракулями хирурга. – Да пошел он к чертовой ма-тери, я нормальнее всех вас, вместе взятых! Не веришь, что я вижу чудовищ на людях, не надо – от этого они все равно не исчезнут! Ты понимаешь, я вижу их! Я вижу!

– Ну что ты кричишь, что кричишь? – нервно оглянулась

мать, проверяя, не слышал ли кто-нибудь моих крамольных слов. – Тебе что, трудно, что ли? Ну сходи, ради моего спокойствия сходи! Я же не так много прошу у тебя! – И она тихонько заплакала, прижимая к глазам платок.

Я выругался про себя: вот черт! Придется идти! Сколько раз хотел уехать куда-нибудь от этой материнской опеки, да жалко ее – как будет без меня, пропадет одна.

Угрюмо кивнув, я обреченно проследовал за матерью к белой двери с табличкой «Психиатр» и номером «13» вверху.

Забавное совпадение, подумалось мне, забудь надежду всяк сюда входящий! Толкнув дверь, я решительно вошел в кабинет:

– Здравствуйте. Вы Лев Филиппович? Меня направил к вам хирург.

– Да-да! – высунулась из-за моей спины мать. – Мы от Симоновича, он нас направил! Вы нас примете, доктор?

– Вас? – с усмешкой спросил психиатр и посмотрел на нас поверх очков, сидящих на самом кончике носа. – А вы что, тоже на прием? Или только этот молодой человек? Если только он – выйдите из кабинета и закройте дверь. А вы, юноша, присаживайтесь и рассказывайте.

Мать поспешно скрылась за дверью, я же посмотрел на сидящего за столом мужчину, больше похожего на грузчика, чем на психиатра, своими мощными плечами, пышными соломенными усами под красным носом и крупными руками.

Ему было лет шестьдесят – впрочем, может, и больше, я никогда не умел определять возраст людей, как-то не задумывался над этим. Научусь когда-нибудь. Меня не оставляло раздражение – от этого посещения врачей, на мать, на свою жизнь, которая преподнесла мне странный сюрприз. Я был настроен еще агрессивнее, чем у хирурга.

Усевшись напротив стола, я демонстративно независимо положил ногу на ногу и уткнулся глазами в руки врача, покрытые вздутыми венами, – что-то он совсем не похож на психиатра, может, самозванец какой-нибудь, диплом купил?

Чем больше я накручивал себя, тем веселее становился врач – почему-то я чувствовал это, и после продолжительного молчания он сказал:

– Достала, да? Знакомое чувство… я тоже когда-то был под гнетом материнской любви, пока не сходил в армию. Там научили, как выживать… Ты в армии еще не был?

– И не буду, – буркнул я угрюмо. – У нас военная кафедра была в университете. И вообще, тратить год-два жизни на дебильную муштру может только идиот! Что, вызнаете – нет ли у меня психической статьи? Нет, заверяю вас. Поход в больницу – затея моей матери, ни малейшего смысла в нем не вижу!

– Да без проблем! Просто поговорите со мной, и все – чтобы успокоить вашу маму… Вы же не хотите причинить ей боль? Она расстроится, если вы сейчас уйдете. Может, расплачется – я же вижу, что она уже плакала, вы же приличный

молодой человек, сразу видно, любите свою маму. Ответьте на мои вопросы и идите себе домой! Ну что, поговорим?

– Поговорим. Задавайте ваши вопросы. Только если они мне не понравятся – я отвечать не буду!

– Договорились! Я же не гестапо, чтобы вас пытать! Начнем с малого: вы работаете где-то?

Неожиданно для себя я выложил ему все про свою жизнь – он ловко подталкивал меня наводящими вопросами, спрашивал о каких-то, с моей точки зрения, несущественных деталях, и в конце концов оказалось, что я рассказал ему все до того момента, как и почему оказался сегодня в больнице.

Насторожившись, я ждал, что психиатр будет выпытывать какие-то подробности моей половой жизни или еще что-то такое же интимное, но ничего подобного не произошло, и я расслабился.

– Да-да, среднестатистический молодой человек, не курите, не пьете, вот только тут доктор Симонович пишет: «Галлюцинации, возможно, на почве алкогольно-наркотического отравления…» Это как? Вы сказали, что не выпиваете и не употребляете, а откуда такие галлюцинации взялись? Вы чего-нибудь этакое на работе ели-пили? Ну например – съели что-то из магазина «Магнит», и вас пронесло, или же глюки пошли, нет? Бывает же – попало что-то в консервы или в салат, и человек страдает. Не думали над этим? Нет? Не могли бы описать свои видения?

– Видения? Хорошо, слушайте, – усмехнулся я. – Весь

мир, все пространство пронизано нитями – тонкими и толстыми. Они идут в разных направлениях, пучками и отдельно, и тянутся к неким сгусткам, похожим на слизняков, сидящих на людях. Они сидят на разных участках тела и пульсируют, пульсируют, пульсируют – как будто что-то перекачивают.

– Красиво! – восхитился врач. – А какого цвета ваши… хм… мешки?

– Разного – любых оттенков. От серого и черного до красного и синего. Размеры тоже разные – от маленьких, с грецкий орех, до огромных, метр в диаметре.

– И что, они на всех людях? И на мне тоже? На вас?

– На мне нет. На вас? – Я посмотрел на доктора внимательно, привстав, окинул взглядом с головы до ног. – Нет, на вас я бы нить, тянущуюся к вашему «слизняку», видел. Они не на всех людях, примерно процентах на двадцати, но в больнице таких гораздо больше – процентов девяносто. Ну вот так вот…

– Интересно, очень интересно! Вы так подробно их описываете. Знаете, что я вам скажу… Не могли бы вы встретиться с одним человеком – это мой университетский товарищ, он тоже психиатр, он в соседнем корпусе находится – в стационаре. Можно, я его приглашу, и вы ему расскажете о своих видениях? Подождите минут двадцать, ладно? Посидите в коридорчике. Мне бы хотелось с ним проконсультироваться – больно уж случай интересный!

– Посижу, если не долго… почему нет.

– Нет-нет, очень быстро – сейчас я с ним созвонюсь, и он прибежит. Идите посидите пока в коридоре.

Врач, ласково улыбаясь, выставил меня из кабинета, и я опустился на кушетку, где, нервно ожидая меня, сидела мать.

Она, с испугом заглядывая мне в глаза, спросила:

– Ну что, что доктор сказал? Можно как-то это вылечить?

– А чего это-то? – ощетинился я. – Что я тебе, психопат, что ли? Оставь эти дурацкие предположения! Я нормальнее вас с доктором, вместе взятых!

– Ладно, ладно, успокойся! Так что доктор сказал?

– Доктор позвал своего друга, типа консилиум – будут разглядывать меня, как зверушку. Довольна? Мам, ты иногда просто невозможна! Так и хочешь загнать меня в дурдом!

Мы препирались уже минут пятнадцать, когда в коридоре показался пожилой толстенький человечек-колобок, в распахнутом, развевающемся халате, стремительно направляющийся в нашу сторону. Предположив, что это и есть искомый психиатр, друг здешнего психиатра, я встал с места и стал прохаживаться возле кадки с фикусом, ожидая когда меня позовут. «Колобок» исчез за дверью кабинета номер тринадцать, и через пару минут оттуда выглянул Лев Филиппович:

– Зайдите, молодой человек.

Мое сердце слегка сжалось – не нравилась мне вся эта суета вокруг меня, и, приготовившись к самому худшему, я шагнул за порог. Мне и правда закралась мысль – может, дей-

ствительно что-то случилось с моим мозгом и я вижу то, чего не существует? Я знал по триллерам, что в принципе человека можно убедить в чем угодно, если воздействовать на него нужным образом, а уж если с помощью специальных лекарств… У меня просто мороз по коже прошел.

Так что к моменту беседы с «консилиумом» я уже был весь в тягостных раздумьях о своем болезненном состоянии, и меня можно было убедить в чем угодно – например, в том, что я шизик и подлежу лоботомии.

– Я рассказал моему коллеге о ваших видениях, но он хотел бы это услышать от вас. Не могли бы вы повторить то, что мне говорили?

– Что, все с самого начала?

– Сначала, только то, что касается ваших видений, разумеется.

Минут пять я излагал, что я вижу, «колобок» внимательно слушал, доброжелательно кивал, и я успокоился – может, и правда вижу то, что вижу, и я не сумасшедший?

После того как я закончил, наступило молчание, затем «колобок» начал важно сыпать какими-то терминами, похоже, на латыни. Врачи о чем-то с жаром спорили минут десять, в потоке латинских фраз я не понимал ни слова и в конце концов затосковал – сколько можно слушать эту хрень?

Видимо заметив это, Лев Филиппович обуздал свое красноречие и нормальным голосом сказал:

– Наш уникум заскучал, давай-ка, Вась, перейдем все-та-

ки к самой главной и животрепещущей проблеме – что с ним делать?

– Ничего со мной не делать! – заволновался я. – Вы что, лоботомию мне задумали сделать или током бить? Так я не дамся!

Врачи весело рассмеялись – а чего им не веселиться, не их же превратят в овощ! Отсмеявшись, Лев Филиппович сказал:

– Никто вас не собирается оперировать! Но мы бы очень хотели понаблюдать вас какое-то время в стационаре, если бы вы согласились. Насильно никто вас не будет туда класть, но, если у вас есть возможность побыть в стационаре и желание все-таки узнать о данном феномене что-либо, прошу вас, согласитесь на обследование! Вас как звать? Петр, ага. Так вот, Петр, досужие вымыслы по поводу психиатров основаны на триллерах и выдумках журналистов – действительность выглядит совсем иначе, чем в статьях писак. Вы будете лежать в комнате, читать, разговаривать с людьми, а за вами будут наблюдать и, если случится какое-то ухудшение здоровья, тут же помогут! Интересный факт открылся – мой коллега, Василий Федорович, уже встречался со случаями подобными вашему. Люди рассказывали, что видят чудовищ, какие-то странные картины, но фокус в том, что все эти люди были действительно больны, с детства, они практически не могли передать, что видят, не могли рассказать врачу, какие картины наблюдают. Вы же, человек умный, образованный,

начитанный, могли бы помочь нам составить представление о предмете исследования, помочь науке в лечении подобных нарушений психики! Ну что, поможешь нам?

Голос психиатра сочился доброжелательностью, был ласковым и бархатным. Так и хотелось, услышав такой голос, бежать за врачом и отдаться в руки исследователей моей психики! Они так думали. По крайней мере, надеялись, что сработает…

– И не подумаю. Несмотря на то что я вижу всякие нити, а на вас, доктор, сгусток в районе затылка, я не собираюсь служить в качестве подопытной свинки или лабораторной собаки – кстати, терпеть не могу Павлова за его издевательство над несчастными животными. Делаю вывод – вы ни черта о том, что со мной происходит, не знаете, вам я интересен только как лабораторный кролик, а если я, спятив на самом деле, отдамся вам в руки, вы и вправду доведете меня до сумасшествия. И если вы думаете, что ваши душеспасительные беседы возымели успех, то глубоко заблуждаетесь. Вот как-то так. До свидания. Ой нет – прощайте…

Я встал и прошел к двери мимо кислого «колобка», под хмурым взглядом Льва Филипповича, открыл дверь и вышел в коридор.

– Пошли отсюда, мама, ни черта они не знают! Быстро отсюда валим, а если ты еще раз меня поведешь с такой целью в это заведение – клянусь, я сниму квартиру и не скажу тебе где! Все! Закрыли вопрос!

Я рванул вперед, не дожидаясь, когда мать мне ответит, и с разгону врезался в ту самую хромую девушку на костылях, которую видел в коридоре перед тем, как посетил психиатра. Получилось так, что я практически упал на нее, и самое противное в этом было то, что я с размаху погрузился в «тело» метрового «слизняка», сидевшего на девушке, окунувшись в него, как в густой туман или в кашу.

Что произошло – не знаю, но показалось, что пространство вокруг взвизгнуло, этот «слизняк» запульсировал, меняя частоту в сторону ускорения, и вдруг лопнул, исчезнув в небольшом темном вихре. Нить, которая связывала его с чем-то, чего я не видел, рассыпалась небольшими кусочками, извивающимися как червяки и через несколько мгновений растаявшими в воздухе как туман.

Только теперь я услышал возмущенный женский вопль и тихий смешок девушки, лежащей подо мной. Как ни странно, она не испугалась, только с интересом смотрела мне в лицо, явно забавляясь ситуацией.

– Может, ты встанешь с меня, увалень, а то моя мама сейчас изойдет криком? – Низкий голос девушки разрушил гипноз ее огромных синих глаз, и я судорожно стал пытаться встать с нее под крики ее мамаши:

– Идиот! Набросился на дочь и свалил ее, как сумасшедший бегает! Кто их пускает, этих идиотов, в больницу?! Да уберите этого придурка с нее, она и так едва ходит, а тут этот бандит!

Наконец я встал с девушки, покраснев до корней волос, автоматически протянул ей руку, забыв, что она вообще-то без костылей и ходить-то не может. Она тоже совершенно машинально схватила меня, утонув своей тонкой худой рукой в моей лапище, и вскочила на ноги, на глазах вскрикнувшей и зажавшей рот матери.

Конечно, девушка была худа, изможденa болезнью, но она совершенно спокойно стояла сама, без поддержки, без костылей, а ведь несколько минут назад она едва-едва могла двигаться!

Оправившаяся от изумления женщина подлетела к дочери, потребовала, чтобы та села на скамейку, стала подтаскивать костыли, что-то говорить, девушка ей отвечала, но я уже этого не слышал – сбежав вниз по лестнице, я несся домой, забыв о том, что за мной не поспевает мать, требующая, чтобы я ее подождал, чтобы я не вел себя как идиот или сумасшедший, чтобы я… Уже не помню, чего она там требовала, но в голове у меня вертелась одна мысль, не позволяющая мне расслышать ее слова: «Я могу убивать этих тварей! Мое прикосновение убило эту гадость, и девушке стало лучше! Что бы это значило, почему это?!»

На ходу я бросил матери:

– Поезжай домой, я позже буду – хочу прогуляться. Голову проветрить!

Не слушая ее причитания, я запрыгнул на остановке в автобус и поехал куда глаза глядят. А глядели они у меня на

какую-то кафешку у небольшого фонтана, где возле голубой ели, разогретой летним солнцем, под навесиком были выставлены столики и ходила официантка, вполне так смазливенькая девица в сексуальном передничке с кружевами.

Она, улыбнувшись, приняла у меня заказ, и вскоре я сидел перед высокой запотевшей кружкой с пивом, открывая фисташки и поглядывая на пробегавший мимо меня рабочий люд.

Холодное пиво лилось в живот, успокаивая и охлаждая мое разгоряченное нутро, а я наблюдал за прохожими и думал: что со мной случилось? Этого, скорее всего, я не смогу узнать… Что-то повернулось в голове, что-то замкнуло или, наоборот, разомкнулось – только теперь я могу лечить людей. Всех людей? Нет, не всех, только тех, на которых сидит эта гадость. То есть фактически – как минимум половину больных людей. А с чего я взял, что половину и что я смогу всех лечить? А я проверю! Кто мне мешает полечить еще кого-нибудь? Если получится, это будет классно… Только представить: я – типа экстрасенс! Лечу наложением рук! Это и почетно, и интересно, и… денежно. Что, я собрался зарабатывать на человеческом горе и болезнях? Упс! Чего я несу-то? Врачи что, на горе и болезнях зарабатывают, типа мародеры какие-то? Ну… если эдак рассудить, некоторые – да. Но не все же! Есть кто лечит ради призвания лечить людей. Почему и я не могу? Тем более что могу вылечивать страшные случаи… хм… наверное. Ох, куда меня занесло! Могу,

да, что-то там вылечивать. Могу убрать эту пакость, пакость исчезнет, болезнь, ею вызванная, исчезнет. И все. А что за пакость – не все ли равно? По большому счету… нет, не все равно! Интересно же…

Допив потеплевшее пиво, я побрел вдоль газона с зеленой стриженой травой, вдыхая запах разогретой на солнце хвои, земли и цветов на соседней клумбе, посмотрел на сверкающее в небе солнце и с удовольствием подумал: «А что, хорошо ведь! Когда еще представится повод заняться таким делом, которое денежно, да еще и на самом деле приносит пользу людям! Как начать? А запросто!»

Маршрутка высадила меня возле моего дома, хлопнула самозакрывающейся дверью и унеслась, а я сделал первый шаг к собственному светлому будущему: возле подъезда на скамеечке сидели три старушки из нашего дома.

Как всегда они перемывали кости соседям, пересказывали последние дурацкие новости и ругали правительство, которое ну никак не хочет помочь пенсионерам, а кидает им только подачки, как собакам.

Я поздоровался и задержался у скамейки якобы для того, чтобы поправить развязавшиеся шнурки кроссовок. Бабки продолжили прерванный моим появлением разговор, а я внимательно осмотрел их и обнаружил у одной на плече «слизняка» приличного размера. «Слизняк» был темно-красный, с довольно толстой нитью и пульсировал, как будто докачивал последние остатки жизни из старухи. Она

шевельнул рукой и, видимо, почувствовала острую боль, потому что вздрогнула и изменилась в лице.

Старуха осторожно потерла плечо – я видел, как ее рука входила и выходила из темно-красной массы «слизняка», потом бабка снова застыла, подождала и сказала своим товаркам:

– Пойду-ка я домой, лягу, так плечо сегодня разболелось – видно, дождь будет. У меня что-то часто стало кости ломить – помру, наверное, скоро.

Она с кряхтеньем стала подниматься, когда я неожиданно и для себя и для нее сказал:

– Баб Маш, хотите, я вам помогу, полечу?

Старухи воззрились на меня, как будто я сказал что-то необычайно неприличное или же, встав на четвереньки, снял штаны и показал им голый зад.

– Ты? Полечишь? – Самая старшая и злобная старушенция баба Наташа, или, точнее, Наталья Феодоровна, с недоверием посмотрела на меня. – Это чем ты полечишь-то, Кашпировский ты хренов?! Плюнешь ей на плечо, что ли? Или еще что на плечо ей сделаешь?

Старухи радостно захихикали, уверенные в том, что они являются фонтанами искрометного юмора и Петросяну до них, как до Луны.

– Лечильщик хренов! Маш, дай ему… он тебя полечит!

– Тьфу на вас, дуры, пацана совсем в краску вогнали! Старые, а охальницы те еще! – Баба Маша усмехнулась и спро-

сила серьезно: – А что, правда полечить можешь? Если можешь, лечи! Я как-то смотрела про экстрасенсов – там такие молоденькие были – дак они и рассказывали все, и порчу снимали! Может, и ты порчу снимать можешь?

– Могу, баб Маш, – храбро заявил я. – На вас порча, на плече, я могу снять! Хотите?

– Ясно, хочу, – обескураженно ответила сбитая столку старуха, – только я денег не дам! Нет у меня денег-то!

– Да я и не спрашиваю, вам – бесплатно будет! Сядьте на скамеечку, сейчас я вас мухой полечу! Ну, в смысле не мухами, а мухой, быстро, значит! – Я запутался в своих заявлениях и уже жалел, что связался с этим делом – а вдруг не получится? Злобные старушки разнесут весть по окрестным дворам, потом пальцем все будут показывать – вон, мол, придурок идет, экстрасенс хренов!

Но делать было нечего: назвался груздем – полезай в кузов. И я полез.

Усадив бабу Машу на скамейку, я под любопытными горящими взорами ее подружек важно изобразил из себя экстрасенса – протянул руки вперед и стал шевелить пальцами. Вышло забавно, старушенции даже слегка отшатнулись от моих страхолюдных движений, и в их взглядах проступило сомнение – зря-то так шевелиться не будет! Колдовство творит, однако!

Коснувшись сгустка зла на плече бабы Маши, я снова ничего особого не почувствовал, только увидел, как сгусток

лопнул и завернулся небольшим вихрем. Вся операция заняла секунду – дольше только страху нагонял своими театральными действиями.

– Смотри-ка, а рука-то перестала болеть! – с удивлением сказала баба Маша. – Это ты когда научился-то так лечить, сынок? Вроде я и не знала, что ты у нас тут экстрасенс такой живешь! Ничего себе… Видали, бабки, у нас какой тут умелец живет? Вот это да… вот это парень! Спасибо, сынок! Тебе бы в передачу попасть на телевизор! А вы смеялись, глупые! И что, сынок, все болезни лечить можешь?

– Нет, баб Маш, только те, которые от порчи, которые навели. А если кто упал там и сломал себе что-нибудь – не могу. Только против зла могу. Так что, если кто хочет порчу снять, присылайте, сниму. Если время будет…

Я весело подмигнул и пошел домой, оставив скамеечных завсегдатаев в остолбенении – случилось чудо! – они лишились дара речи. Это надо где-то записать такое событие…

Стоило мне появиться на пороге, мать завела причитания про лечение, про то, что я зря обидел важных докторов и сбежал из больницы – я, не обращая внимания на ее заунывное бормотание, ушел к себе в комнату и улегся на постель, закрыв глаза. Вначале пытался обдумать происшедшее, а потом дневные переживания, усталость и нервотрепка взяли свое, и я уснул. Разбудил меня голос матери, которая трясла за плечо и говорила:

– Петь, вставай, тут к тебе пришли!

– Кто пришел? Зачем? – Спросонок я ничего не понимал. – Вроде не жду никого. Кто там?

– Женщины две – говорят, ты порчу снять можешь. – Глаза матери были вытаращены от удивления. – Я их спрашиваю: какую порчу? Кто такую ерунду придумал? А они не уходят, плачут – в ноги бросаются, выйди, пожалуйста, разберись! Только это… – она понизила голос, – смотри, осторожно! Может, аферистки какие-то или ненормальные – вдруг покусают еще?!

Меня как пружиной сбросило с постели, и я, как был, в слаксах и майке, пошел к двери. На пороге топтались две женщины – одна почти девочка, с ребенком на руках, вторая старше, лет сорока. В глаза бросился здоровенный пузырь, сидящий на несчастном ребенке, который задыхался и синел, – «слизняк» сидел на горле.

– Вы Петр, да? – с надеждой спросила старшая женщина. – Нам сказали, что вы можете снимать порчу, не поможете нам? Ребенок сильно болеет, может, порчу на него навели? Мы уж всех врачей обошли – никто не помогает, а мальчишка чахнет и чахнет! Помогите, ради Христа! Мы заплатим, все что есть отдадим, помогите, пожалуйста, не откажите!

– А кто вам сказал про меня? – Я рассматривал «слизняка» и удивлялся, как ребенок еще жив при таком здоровенном гаде на шее. – Помогу, конечно. И не надо ничего, так помогу. Да, на нем порча, и очень сильная, но сейчас мы ее прихлопнем! – Я протянул руку и коснулся «слизняка». –

Есть! Готово! Порчи больше нет. Если что, приходите.

Я повернулся и ушел в квартиру, оставив недоумевающих женщин:

– Что, уже все?

– А что вы ожидали? Танцев с бубном, завываний и каких-то молитв древним богам? Все, готово. Если снова начнется – приходите. А пока – видите, он повеселел и сделался розовый, дышит как следует, живи, братишка!

Я помахал пацаненку, улыбнувшемуся мне, и пошел на кухню искать банку со спрайтом – почему-то мне привиделось, что она где-то в холодильнике была прикопана на черный день, – в глотке пересохло, просто до очумения. Были бы бабки – сплит-систему поставить неплохо бы в доме! Жарко – гребаная хрущоба, последний этаж, крыша нагревается, как сковорода, летом спать невозможно. Отвратительно. А может, кондиционер-оконник воткнуть? Да что я рассуждаю-то – все равно бабок нет. А почему не взял у женщин? А что я, мародер, что ли, какой-то, видно же, что небогаты и последний хрен без соли доедают, стремно брать у нищих. Были бы богатые – тех сам бог велел ободрать как липку, не последнее отдают. А эти… нет уж, я еще не опаскудился, чтобы так делать. Не голодаю.

Хлопнула входная дверь, в кухню влетела совершенно очумелая мать:

– Что это было-то? Ты объяснишь? Они мне тысячу рублей сунули! Я отбивалась как могла, а они все равно на шкаф

сунули и ушли, тебе привет передавали! Ты что, правда их лечил?

– Мам, ну зачем деньги взяла? – Я слегка расстроился. – Ну да ладно: да, лечил. Я же тебе говорил, я вижу то, что никто не видит. И могу лечить людей от порчи. Веришь ли ты со своими дурацкими докторами или не веришь, но это так. Давай-ка лучше сооруди мне яичницу на копченом сале, жрать хочу, аж пищит все…

Глава 2

Я не ожидал такого эффекта. Длинные языки бабулек разнесли весть обо мне по всем уголкам нашего района и даже нашего города (а может, и дальше!). Возле двери нашей квартиры стояла очередь – люди с изможденными лицами, настойчиво и упорно дожидающиеся того момента, когда они смогут попасть ко мне на прием.

Вначале меня это радовало – ну как же, я помогаю людям! Мной были уничтожены сотни, тысячи «слизней», спасено множество людей – но чего это мне стоило! Нет, быть неким мессией, великим лекарем не только удовольствие и радость, это огромное напряжение и сплошной негатив.

Как сейчас помню – ко мне пришла молодая семья, которая принесла ребенка лет двух. Ребенок, судя по всему, родился с какими-то нарушениями – то ли генетическими, то ли родовые травмы, но отец и мать не сомневались, что он отстает в развитии и уже сейчас ясно, что будет идиотом только потому, что на него наслали проклятие.

Никакого проклятия на нем не было – ребенок с признаками психических отклонений, развивающихся по непонятным мне причинам.

Несчастные родители были уверены в том, что я уклоняюсь от лечения их чада, и меня за это надо порицать.

Порицали они вначале матом, а потом попытались меня

избить – не вышло, все-таки я лось здоровенный, но, выталкивая их из квартиры, я получил много синяков и царапин – на лице, но больше всего на душе.

Душа моя болела… я даже не подозревал, что в мире столько страданий – эти бесконечные вереницы убогих, больных, страдающих, заискивающих и ругающихся.

Противными были посещения журналистов и различных проверяющих органов – журналисты все время норовили уличить меня в том, что я аферист, который наживается на горе людей, ехидно задавали вопросы с подковыркой, я гнал их, научившись определять этих кадров сразу, с порога.

Кстати сказать. У меня проявилось еще одно странное свойство – коснувшись человека, задав ему определенные вопросы, я мог увидеть какие-то картинки из его жизни. Подобное я видел в старом фантастическом фильме. Герой этого фильма мог определить убийцу, взяв кого-то там за руку или взяв предмет, который человек держал ранее. Насчет предмета не знаю, но вот в том, что можно узнать все о человеке, коснувшись его, я убедился.

Однажды ко мне пришла молодая парочка. Девушка была бледная, некрасивая, толстая, и, ко всему прочему, у нее на шее сидел огромный «слизняк». Ее партнер или жених, не знаю, как его назвать, мне очень не понравился – он был таким лощеным, таким предупредительно-слащавым и демонстративно влюбленным в свою некрасивую подругу, что и без особых способностей становилось ясно: типичный аль-

фонс.

Когда я случайно задел его рукой, в моей голове вспыхнула картинка – толстая девушка с криком падает с высокого этажа дома на асфальт. Он так ясно это представлял, что я увидел это, будто кадры кинофильма. И тут же сцена – этот молодой человек, и рядом голая девица с длинными распущенными волосами, брюнетка, с чувственным губастым ртом, в самом интересном состоянии процесса…

Мне стало неприятно, и я, сделав вид, что хочу получше полечить эту толстушку, выгнал ее парня из квартиры, затем пригласил девушку в гостиную – теперь я тут принимал посетителей, устроив что-то вроде кабинета психотерапевта или психолога, не знаю, как назвать. Пристально посмотрев на нее, я сказал:

– Знаете, зачем я вас позвал? Я хочу открыть вам глаза. Мне вас стало жалко, и я не люблю, когда подличают.

Девушка грустно улыбнулась:

– Вы про Виктора? Вы не первый мне это говорите. Он меня любит. Я не хочу ничего слышать о том, что он негодяй, которому нужны мои деньги. Папа оставил мне деньги, перед тем как разбился его самолет над Саянами, вот теперь все думают, что на меня набросятся ловцы наследств. И вы туда же, хотите обвинить моего любимого?

– И я туда же. Подумайте – нет ли в вашем окружении девушки с губами, как у Анжелины Джоли, с длинными черными волосами, высокой и стройной? Так вот – он с ней спит.

Я видел это в его голове. И еще – я видел, как вы летите с высоты пятнадцатого этажа на асфальт. Не ходите с ним в высотные дома, если будет предлагать.

– Все? – Девушка недоверчиво и сердито смотрела на меня. – А лечить будете?

– Да я уже вас полечил – проклятие снял, вероятно, вы уже стали чувствовать себя лучше, не правда ли? Всего доброго вам, ваш молодой человек вас заждался. Помните про высотные дома…

Я выпроводил девушку, сердито косящуюся на меня, и подумал: «Какого черта я лезу не в свое дело? Ну убьют ее, и что? Если она сама хочет, чтобы это сделали, я-то при чем? И вообще, что я здесь делаю?»

Посмотрел вокруг – мать суетится на кухне, разговаривая с какими-то людьми, в прихожей столик для записи посетителей, в гостиной кабинет для приема, свободен я только в своей комнате, когда запираюсь и не отвечаю ни на какие стуки и крики за дверью.

Уже четыре месяца я снимаю проклятия с людей. Проклятия ли? Что это за «слизни»? Я так это и не узнал. Пытался найти упоминание о них в Интернете, пытался связаться с какими-то экстрасенсами – бесполезно. Экстрасенсы оказались на сто процентов аферистами, в лучшем случае обладающими незначительными паранормальными способностями, никаких «слизней» они не видели и вообще принимали меня за сумасшедшего, перестав отвечать на мои письма или

звонки по скайпу. Постепенно я прекратил общение со всеми ними.

Мне все осточертело. Мне осточертела эта квартира, мать с ее разговорами с объявившимися вдруг помощниками организации лечебного процесса, толпы людей, которые, заглядывая в дверной проем, ждали – когда же они войдут в квартиру?

Выйти во двор я не мог – начинали шептаться и цепляться ко мне: «Это он! Это он!» Ко мне подбегали на улице и просили снять проклятие, ночевали на лестнице и в машинах возле подъезда, в ожидании посещения.

Соседи начали писать жалобы. Жалобы дошли до самых верхов, и началось: проверяющие шли потоком, один за другим – первой ласточкой был участковый, который важно вышагивал с папкой по квартире, но, так и не найдя к чему придраться, свалил к себе в опорный.

Пытались прорваться телевизионщики с какого-то местного канала – предупредил мать, чтобы она ни под каким видом их не пускала. Когда они пришли, она обдала их вчерашним супом – слава богу, теплым, потому что уделаны они были с головы до ног и ретировались, угрожая, что так распишут нашу богадельню, что прокуратура нами сразу заинтересуется.

Прокуратуры пока не было – видимо, не успела до нас добраться, но конкретный, серьезный наез. Проблемы начались однажды в понедельник с молодого человека, который

зашел ко мне сгибаясь и изображая сильную боль.

На нем не было «слизняка», и видно было, что он неестественно изображает недужного. Взяв его за руку, я четко увидел человека в форме, рядом с которым, улыбаясь, сидел этот парень, вполне здоровый и веселый, и совсем недавно здоровый и веселый, часа два назад.

Посмотрев в глаза парню, я спросил:

– Что, вы штатный сотрудник или так, по велению души пришли разоблачить афериста?

Парень сразу прекратил изображать страдания.

– О чем вы? – Его глаза сделались колючими и настороженными. – Не понимаю!

– Все понимаете. Если ваш начальник хочет действительно что-то выяснить, пусть приходит сам. Или боится?

– Ничего он не боится! – начал парень, тут же заткнулся и покраснел, потом вскочил и выбежал из квартиры.

Его начальник и правда появился – на следующий день.

Он вошел в квартиру с видом хозяина, по его лицу было понятно, что он точно не ждал у порога сутками, да и не собирался – такие люди всегда вне очереди и берут то, что им надо.

– Приветствую. Вы Петр?

Из-за плеча важного чиновника испуганно выглянула моя мать и пожала плечами – что, мол, я могла сделать?

– Я Петр!

Посмотрел на человека – ну да. Этого парня я видел вчера

вечером, только он был в милицейской форме – по-моему, полковничьей, а теперь – в дорогом даже на вид костюме, при золотых часах. Лицо умное, смотрит хмуро и хитро, как будто пронизывает взглядом насквозь и заранее знает, что я виноват.

– Так что вы тут устроили, Петр? Прежде чем принять к вам меры, решил узнать получше, что тут происходит, посмотреть на это бесчинство! Кто вам позволил устраивать из квартиры лечебницу? Вы имеете медицинское образование? У вас есть разрешение на практику? Предъявите ваше разрешение! Вы получаете доходы, нигде их не отмечаете, ни в каких декларациях – вы нарушаете закон, и мы вас можем арестовать!

Я стал медленно закипать от злости, глядя на этого холеного борова, по хозяйски топающего по моей квартире.

– Вы, вообще, кто такой? Вы чего тут расхаживаете, как хозяин? У вас есть право врываться в дом, допрашивать, выдвигать обвинения? Шли бы вы отсюда к чертовой матери!

Глаза полковника сузились, его перекосило от злости:

– Значит, так, да? Наглеешь? Сопляк! Я просто тебя уничтожу, вместе с твоим притоном! Бабки берешь и не делишься? Гаденыш! Чтобы каждую неделю по десять штук отдавал! Тогда будешь работать! Нет – я эту свору разгоню, а тебя закрою!

– На основании чего закроешь-то? Я и не открывал ничего. Не лечу никого. И кстати сказать, ни рубля в руки не взял!

– Ты не взял – твоя мамаша берет! В среду пришлю парня, вчера который был, чтобы передал десять штук. И так каждую среду будешь отдавать. Все, разговор закончен!

Полковник, нарочито топая, вышел на лестницу, а я, опустошенно закрыв глаза, стал думать – что делать? И правда ведь закроет! И хрен с ним, пусть закрывает. Не хочу больше этот конвейер бед обслуживать. Черт с ним, с этим предприятием, – ошибка была. Найду что-то и получше для заработка. На том и порешил.

Получилось так, что к моменту визита полковника (так я для себя его окрестил) я уже созрел для того, чтобы закрыть предприятие.

Впрочем, как оказалось, полковник имел в виду другое закрытие – по своей темности я не знал, что на уголовном жаргоне, а также на жаргоне милиционеров, «закрыть» – означало вовсе не закрыть предприятие, а нечто худшее…

В среду в дверь заглянул тот самый хорьковатый парень – он нашел меня глазами и спросил:

– Приготовил?

– Нет, не приготовил. Пошли вы на хрен с вашим полковником!

– Вот так, да? Ну пеняй на себя!

Парень исчез, а я продолжил прием «проклятых» людей.

Около пяти вечера я прервался, чтобы поужинать, и уселся на кухне, хлебая щи и заедая их пирожками с мясом, которые очень хорошо пекла мать.

Слава богу – я успел съесть большую тарелку, умять три пирожка, когда в дверь позвонили и обломали мой ужин…

После того как мать открыла дверь, в квартиру ворвались вооруженные люди в камуфляже и стали дико вопить, как будто напали на наркопритон или логово террористов:

– Всем оставаться на местах! Лежать! Стоять где стоите!

Я очень удивился взаимоисключающим командам – как это я буду лежать, если я сижу, и как буду стоять, если не стою? Выяснить данные вопросы решил у главного, громче всех оравшего, тут же получил сапогом в ребра и улегся на полу в позе зародыша – мне было очень больно и обидно, и скоро я все-таки просветился и узнал, что «закрыть» означает не ликвидацию предприятия.

А означало оно, что меня вульгарно сажают в милицейскую машину под взглядами сочувствующих и злорадствующих людей и везут в КПЗ, где нормально оформляют задержание по подозрению в мошенничестве и еще по множеству статей, среди которых, слава богу, не было статей по педофилии и изнасилованиям – и за это спасибо важному полковнику.

В «обезьяннике» сидело с десяток людей в разной степени целостности – двое с подбитыми глазами и разбитыми носами обсуждали какую-то Таньку, которая «ввела в блудняк», трое других негромко переговаривались, озираясь по сторонам, еще один… в общем, шла напряженная, активная жизнь.

Меня вызвали довольно скоро – как я и ожидал. Два милиционера – впереди и сзади, повели меня по пыльной лестнице на второй этаж, мимо пахнущего хлоркой и неисправным унитазом туалета, в самый конец коридора, где на двери была привинчена табличка «Начальник Управления общественного порядка Кантирович».

Один из сопровождавших меня милиционеров постучался и, не дождавшись ответа, заглянул за массивную деревянную дверь:

– Товарищ полковник, задержанного доставили!

Меня втолкнули в кабинет, и я оказался перед сидящими у стола тремя мужчинами – полковник так и был в гражданской одежде, рядом же сидели двое в милицейской форме, майор и подполковник. По их виду, они были давно и глубоко пьяны – рубахи расстегнуты, галстуки отпущены, лица их были красны, а на столе перед ними стояли рюмки и тарелки с лимоном и бутербродами.

– Ну что, наглец, вот я тебя и закрыл! Предупреждал же! Видите, ребята, каков наглец – я пришел к нему по-доброму, предупредить, помочь, а он меня на хрен посылает! – Полковник встал, обошел стол и, споткнувшись о ножку шкафа, заорал: – Ты кто такой, гаденыш, чтобы противиться мне, Кантировичу?! Да я тебя сгною! Да я тебя!.. – Он размахнулся и врезал мне в скулу, разодрав кожу перстнем и отбросив в угол, на пол.

Я был в наручниках и, упав на спину, испытал невероят-

ную боль – похоже, руки мои распухнут потом до размеров бревен. От ярости и боли я зарычал, и мне страшно захотелось убить этого подонка, захотелось стереть улыбку с его поганой морды, и тут со мной что-то случилось – мозг вспыхнул огнем, и из меня что-то полезло, как будто мозг выдавливал из себя нечто черное, гадкое… Это гадкое лезло, лезло и вдруг обернулось «слизняком» размером с футбольный мяч!

Этот «слизняк» метнулся как кошка и шлепнулся на голову полковника – тот охнул и схватился за темечко.

– Ну, пацаны, говорила мне мама – не пей, не пей больше! Не слушал ее! Что-то у меня голову сжало, как обручем. – Полковник проковылял на место и уселся, глядя в стену бессмысленными глазами. – Давно так голова не болела. У вас не болит, ребята? Может, погода меняется?

– Да нет, вроде бы не болит, – ответил один из собутыльников и зашептал: – Слушай, ты бы не связывался с этим типом, все-таки экстрасенс, говорят… нашлет еще какую-нибудь гадость…

– Да пошел он! Это обычный аферист, никакой он не лекарь – я следил за ним. Бабки греб лопатой – делиться не желал! Вот теперь пусть посидит. Ну что, еще по одной?

– Нет, мы пойдем домой, хватит. Нормально посидели. – Подполковник с сожалением поднялся и кивнул на меня: – А с ним что будешь делать, правда его закроешь?

– Закрою, теперь куда деваться, обязательно закрою! Щас

оформим, и в СИЗО… пусть посидит полгодика, подумает, кто тут хозяин.

Я лежал в углу, смотрел на хозяина кабинета, на его друзей и пытался понять: что случилось? Как я выпустил эту гадость из себя, и почему у меня вдруг перестала болеть отбитая скула? Почему у меня зажили ссадины на руках, скованных наручниками, руки не болят, и вообще – я чувствую себя великолепно, в отличие от этого негодяя, как вижу!

А негодяю и правда было плохо – он с трудом поднялся, потирая виски руками, подошел к внутреннему телефону и сказал в него отрывистым и грубым голосом:

– Быстро сюда помощника – задержанного отправить в СИЗО! – Потом полковник положил трубку, снова уселся за стол и стал сверлить меня тяжелым взглядом. – Сгною тебя! Будешь сидеть в СИЗО и полгода и год – пока не начнешь соображать, как себя вести, и не приползешь ко мне на коленях! Буду узнавать время от времени – как ты, не готов ли уже работать как следует, как надумаешь – скажешь. А пока посиди. Там сейчас хорошо… курорт! – Полковник усмехнулся, явно зная что-то интересное о следственном изоляторе, и отвернулся, потирая виски.

Я молчал и смотрел, как на его голове пульсирует черный как уголь футбольный мяч. Толстая черная нить тянулась ко мне, и я думал – теперь я знаю, куда и зачем тянутся эти нити. Сколько же нас таких? Сколько людей питаются чьей-то жизнью? Откуда вообще взялась у меня эта способность?

Ответа не было.

Серый автозак втянулся в унылый двор, меня вывели из машины с обязательными словами – «Руки за спину! Смотреть вперед!» и повели по длинным коридорам, выкрашенным синей краской.

В дежурке скучный толстый капитан оформил мой прием, забрал все, что у меня было в карманах (а у меня там и ничего не было), шнурки из кроссовок, и вот я уже снова шагаю по коридорам и переходам СИЗО к своему пристанищу на ближайшие недели и месяцы – камере сто тридцать четыре.

Вот в этой-то камере я и узнал, что такое ад на земле.

Переход от роли мессии к роли заключенного был настолько стремительным и шокирующим, что мой мозг до конца так и не смог это осознать, особенно когда открылась дверь в «преисподнюю» номер сто тридцать четыре и перед глазами предстал он, ад: в камере, предназначенной для двадцати человек, находилось восемьдесят.

До сих пор я не понимаю – зачем засовывать в тюрьму всех без разбора? Ну ладно я, меня засунули туда специально, как бы попрессовать, нет, не как бы – а точно попрессовать, но эти-то – мелкие мошенники, воришки, семейные дебоширы и пьяницы – им-то что там делать? Почему судебная система работает так, что эти люди, еще не осужденные, должны месяцами находиться в диких условиях, фактически быть наказанными с недоказанной виной? Нет ответа у меня

и никогда не будет.

Это тесное помещение было заполнено клубами дыма, тут курили, и дыму некуда было уйти – он висел под потолком тяжелой полосой, во влажной жаре, как туманные испарения каких-нибудь африканских или южноамериканских болот.

В этом дыму лазили полуголые, мокрые от пота люди, с блестящими от лихорадки, жары и бессонницы глазами, мои будущие товарищи по несчастью – только вот товарищами их называть было совсем нельзя, это точно.

Мое появление в камере было воспринято никак – на меня почти не обратили внимания, хотя я ждал, что будут сейчас докапываться, – я не вращался в кругах близких уголовным, но кино-то смотрел, а наши киношники любят смаковать всякие подробности из жизни зэков.

Стал лихорадочно вспоминать – как мне себя вести, и громко поздоровался с камерой:

– Приветствую! Кто старший, с кем говорить?

С завешанных тряпками нар слез молодой парень с одутловатым лицом и протянул мне руку.

– Давай здороваться, что ли?

Я заметил заинтересованные взгляды окружающих и почуял неладное – не стал с ним ручкаться, а еще раз спросил:

– Кто старший в камере?

Одутловатый не отставал:

– Что, тебе западло здороваться со своим товарищем?

– Цыц, Мурка! – откуда-то издалека, от окна раздался

жесткий голос, и на нарах присел мужчина лет сорока, по пояс голый, весь в наколках. – Иди сюда, парень.

Я прошел к нему, и мужчина, посмотрев на меня, спросил:

– По какой статье чалишься?

– Мошенник, говорят… – недоуменно развел руками я.

– Ага, значит, сто пятьдесят девятая, часть какая?

– Третья.

– Значит, крупный размер. А чего без барахла, если крупный? Сидора нету?

– Нет. Вот что на мне, в том и привезли. Из дома взяли, даже одеться не дали.

– Ну тут одеваться тебе не особо к чему… скоро раздеваться будешь. Чуешь, какая тут температура?

И правда, в камере была удушающая жара – люди были покрыты каплями пота, стояла вонь, идущая от грязных тел, от носков, от параши – хотелось блевануть от этой вони, но так было бы только хуже.

Еще заметил – как минимум половина заключенных были со «слизняками», и тот, кто со мной говорил, тоже. Его «слизняк» сидел на руке, которую тот, морщась, время от времени потирал.

– А за что тебя взяли? Что шьют-то?

Уже потом я понял, что смотрящий «упорол косяк» – нельзя заключенного расспрашивать о том, что ему вменяют, – могут принять за «наседку».

– Я с людей проклятие снимал, ну как бы лечил. Ну а пол-

ковник Кантирович решил, что я должен ему платить. Я не захотел.

– Правильно. Нечего красноперым бабло отдавать! Надо на общак платить, а не этим боровам!

– Да мне и нечем было платить, я денег за лечение не брал. Матери продукты давали, может, какие-то деньги, но я сам ничего не брал.

– Ага! Типа – народный целитель! Слыхал я, если они бабки берут за лечение, у них способности пропадают! Интересный ты парнишка! Погоняло есть? Нет? Будешь… будешь… Колдун! Во – Колдун! Я Лысый, смотрящий за этой хатой, от воров поставлен. Значит, так – живи мужиком, там посмотрим. Если что пришлют с воли – отстегивай на общак, и все будет нормально. Наша хата по понятиям живет, так что тебя никто не тронет, если сам не накосячишь. Правильно, что ты с Муркой не стал здороваться, он здешняя машка, поздоровался бы – зашкварился. В семью вступать будешь? Вон там ваши кучкуются, семьей – мошенники и аферисты. Народ зажиточный, справный. Главный в семье Профессор – вон он сидит, видишь? Строительством занимался, народу кинул море. Можешь к нему подойти, он тебе место покажет, скажи – в семье хочу быть. Ты еще, вижу, темный совсем, законов не знаешь, скажи – я велел тебя ввести в курс дела, законы рассказать, чтобы ты не накосячил. И не дрейфь, первый раз все стремаются, а потом привыкают. Шагай к нему.

Лысый закончил речь, важно откинулся на постель и за-

крыл глаза, а я пошел в дальний угол камеры к сидящему на нижней шконке мужику лет тридцати пяти, с темными глазами и располагающей внешностью, немного похожему на капитана Немо из кино.

Подумалось – аферисту нужно иметь располагающую внешность, на то он и аферист.

– Добрый вечер. Лысый сказал мне подойти поговорить. Я – Колдун, такое погоняло Лысый дал.

– Привет. Я Профессор. Хочешь вступить в семью? Ты вообще первый раз попал на нары?

– Да, первый. По сто пятьдесят девятой.

– Да понятно, потому Лысый и прислал тебя ко мне. Вроде как пацан ты правильный, иначе Лысый бы ко мне не отправлял, но расскажи о себе – присаживайся на шконку. Поговорим, потом определимся, как и что.

Я снова пересказал уже Профессору – за что, какая статья, кто виноват в том, что я тут завис, и он выдал свое резюме:

– Да понятно. Наш человек. Я не спрашиваю тебя, за дело ты тут паришься или просто по беспределу – тут все безвинные. Давай я тебя в курс дела введу, что тут и как.

Профессор полчаса рассказывал мне об основных правилах поведения в СИЗО, о законах уголовного мира, о правилах поведения и закончил с усмешкой:

– Вижу тоску в глазах – не горюй, первая ночь в камере всегда самая страшная, потом привыкнешь. Занимай верхнюю шконку надо мной – нижних нет, народу полно. Что,

белье не выдали? Завтра дежурного озадачим. Там есть матрас, подушка – спать есть где. Правда, тяжеловато будет тебе в первую ночь… Ну давай отдыхай. Успеем наговориться…

Первая ночь и правда была тяжкой – горела лампочка за стальной решеткой, бросая тусклый свет на ободранные стены, на лежащих заключенных – кто-то спал, кто-то разговаривал, потихоньку бубня, кто-то стонал во сне… На многих из них я видел «слизней», высасывающих жизнь.

Сизый табачный дым не хотел никуда уходить и ядом впитывался в одежду, обувь, постели… Было страшно и противно. И тоскливо.

Пытаясь заснуть на грязном матрасе, я заставил себя думать не об этой неприятной действительности, а о том, что происходит с моими магическими способностями, например, откуда взялся «слизняк», который вылез из меня и набросился на полковника? Вот и сейчас я видел нить, которая шла ко мне в голову – черная, матовая, как будто поглощающая свет.

Физически я чувствовал себя прекрасно – не беспокоили никакие боли, даже не мучил голод, хотя я и ел много часов назад, все раны и ушибы зажили. Откуда-то я знал, что полковнику сейчас очень, очень худо! И это меня радовало… Нет, я был не злым человеком, скорее наоборот, но у меня обострено чувство справедливости – с детства я очень остро и болезненно воспринимал любую несправедливость, и лишь врожденная логика и осторожность останавливали меня от

резких, непродуманных действий. Так что пусть помучается – заслужил.

Еще я сделал вывод, который напрашивался сам собой: каждый «слизняк» – это производное от такого, как я. То есть в мире есть какие-то существа, которые выпускают таких вот «слизняков», и те присасываются к людям, выпивая из них жизнь и здоровье. С горечью подумал: «Если бы мои способности проснулись раньше, года два-три назад, ведь тогда папа был бы жив… Я бы снял с него эту пакость, и он сейчас был бы дома, смотрел телевизор, смеялся и, когда я не вижу, хлопал бы мать пониже талии, после чего она, хихикая и притворно сердясь, кричала бы на него: «Дурак! Мальчишка увидит!»

Судя по нитям – людей со способностью высасывать энергию было много, очень много! Мне показалось, что на улице как минимум каждый третий был захвачен «слизняком». Скорее всего, конечно, это было не так: пособображав, прикинув, я решил – где-то процентов десять, это будет точнее. В больнице – да, там уже приближалось к девяноста процентам, но это и понятно, в больницы сходились все больные. Тут, в камере изолятора, тоже было много захваченных «слизняками» – процентов сорок, не меньше. Опять подумалось – почему я ни разу не видал, как чужой «слизняк» нападает на свою жертву? Поразмыслив, пришел к выводу: просто не довелось. Увижу еще.

Утро началось с криков, проверки, суеты, завтрака –

жрать хотелось неимоверно, сутки уже ничего не ел. Белье мне все-таки выдали – передали в кормушку.

Жратва была, конечно, отвратная (какой ей быть в тюрьме?), даже упоминать ее не хочу.

После того как все успокоилось, стал знакомиться со своей «семьей» – так называют в тюрьме группы заключенных, объединенных по статьям или местечковому признаку; это я уже знал, откуда – не помню, читал где-то. Они поддерживают друг друга, делятся передачками, защищают от других сокамерников – как бы некий коллектив образуется.

В «семье» было шесть человек, я седьмой. Народ все больше благообразного вида, умные, образованные, начитанные – настоящие аферисты. Те граждане, что в основной своей массе заполняли камеру, им и в подметки не годились по интеллекту – мошенники были своеобразной элитой преступного общества. Оно и понятно, отнять у государства или человека деньги без каких-то физических действий – это надо иметь большой ум.

Они опять наставляли меня, как себя вести, ведь за косяки члена «семьи» отвечает вся «семья», но она же за него и заступается, если что случится.

После того как перезнакомился со своей «семьей» и рассказал, как тут оказался, – вкратце, конечно, без подробностей, я лежал на своей шконке и лихорадочно думал, как отсюда выбраться. Получалось – меня могут держать годами в этом аду, даже возникли мысли о том, не лучше ли сдаться

полковнику и дождаться, когда он «крякнет», чтобы от него освободиться. Но у меня вскипала злость, и в ней растворялись все разумные мысли – хрен ему, не сдамся!

Видимо предполагая что-то подобное, скорее всего через администрацию тюрьмы, ко мне прислали «уговаривающих». Началось это с визита мордоворота с тупой харей, ростом метра два.

Он подошел к моей шконке и дернул меня за штанину (раздеваться я не хотел, хотя и страшно потел в одежде – противно было касаться тюремного белья).

– Эй ты, Колдун! А ты чего это развалился тут на шконке и совсем бесплатно? Платить за шконку кто будет? Слезай, базарить будем!

Сердце у меня замерло – ну вот, поехало! Драться я не особенно умел – хотя силой не был обижен, как и ростом, но детина был на полголовы выше меня – этакий раскормленный боров. На его теле было много наколок, но, похоже, авторитетом он не пользовался – типичный баклан, или «торпеда», – хулиган, в общем.

Я посмотрел на угол Лысого – тот якобы ничего не замечал, и я понял: санкционировано. Вот тебе и правильная камера… болтуны хреновы, везде болтуны – и на воле и в тюряге.

Чего-то подобного этому наезду и ожидал… только не думал, что это будет так быстро. Хотя – почему не быстро? Куй железо, пока горячо, на месте этого полковника так бы и сде-

лал: пока я тепленький, первый день в СИЗО, деморализован, голоден – тут только и дави!

Опять меня ярость охватила – не дамся! И подумалось – чего это я стал такой резкий? Ну платил бы уроду, как все платят, да и все! Но ведь я не ларек держу, да и не рвал я бешеные бабки, если честно – даже не знал, сколько мать берет. Как-то стыдно было спрашивать, типа – я святой, денег не касаюсь! Усмехнулся – чего себя-то обманываю? А для чего тогда я это все затеял? Для святости? Жрал-пил всласть, одевался-обувался – на какие деньги?

– Чего лыбишься? – недоуменно спросил мордоворот. – Платить за шконку будешь?

– Кому платить? – спокойно спросил я.

– Мне, – хохотнул мордоворот, – кому же еще?

– А почему тебе? Ты кто такой?

– Я – Зубило! Платить будешь мне!

– То есть ты не считаешься с авторитетом смотрящего и присваиваешь себе по беспределу деньги, которые я не обязан платить?

Зубило опешил:

– Какому беспределу? Ты – лох педальный, и ты должен платить! Клади сюда штуку и спи себе на шконке. Штуку в неделю.

– Беспредельничаешь. Мне вчера Лысый сказал, что тут не платят, здесь соблюдают воровские законы, а раз ты идешь против него, значит, ты нарушаешь закон. Ты против воров-

ского закона?

Мордоворот захлопал глазами:

– Метла у тебя чисто метет… ладно, твоя взяла. Но на тебя воровской закон не распространяется – ты лох! А если надо будет, я отвечу перед ворами! Отказываешься платить, чмо болотное? – Урод схватил меня за лицо своей грязной, вонючей ладонью, которой только что лазил в паху, и толкнул назад так, что я ударился головой о шконку.

У меня перед глазами завертелись огненные круги…

Такой ненависти и ярости я не испытывал давно – что-то щелкнуло у меня в голове, и мой взгляд стал ощутимым, весомым, как будто это был не взгляд, а огромное бревно, вылезающее из моего черепа.

Бандит глупо улыбнулся, потом упал на колени и заскулил, схватившись за голову, а я наклонился к нему и тихим, страшным голосом сказал:

– Уходи и никогда ко мне больше не подходи – меня нет! Иначе ты умрешь страшной смертью!

Бандит кое-как поднялся с пола и, шатаясь, поплелся прочь от меня, не разбирая дороги, налетел на стол, опрокинув кружки заключенных, поедающих что-то из сидоров, доплелся до параши и выблевал туда все, что получил в желудок во время завтрака.

Я сел на шконку Профессора и замер, вцепившись в край кровати, – меня трясло, лихорадило. Оглянулся на лежащего афериста и заметил, как он почему-то вздрогнул.

– Колдун, а ты ведь правда колдун! Слушай, а чего у тебя с глазами?

– А чего с глазами? – постепенно успокаиваясь, выдавил я.

– У тебя зрачки во весь глаз! – Профессор настороженно посмотрел мне в глаза и заметно расслабился. – Нет, уже нормально. Может, показалось? Ну ты и напугал меня! А чего этот придурок так бросился от тебя? Впрочем, понимаю. Если уж я рядом напугался, то он, глянув в твои глаза… Так что, ты и правда экстрасенс?

– Правда. Снимаю порчу.

– А с меня можешь снять? – заинтересовался Профессор. – В тюрьме скучно, все какое-то развлечение…

– А на тебе нет порчи. Не вижу. А вот на многих тут – висит. Только снимать с них не хочу – с какой стати?

– Интересно! – опять восхитился мужчина. – А в нашей семье есть порча у кого-нибудь? Эй, мужики, айда сюда – Колдун сейчас порчу снимать будет с вас!

Мужчины, принадлежавшие к нашей «семье», зашевелились и собрались на шконке Профессора.

– Сейчас Колдун посмотрит и определит, есть ли на вас порча. Давай, парень!

– На двух. Вот на нем, – я указал рукой на полненького мужчину в очках, у которого на пояснице сидел здоровенный «слизняк», – и вот на нем. – Я показал на высокого, с интеллигентным лицом худощавого мужика, даже здесь умудрявшегося сохранять вид, как будто он только что вышел из са-

лона красоты. На нем «слизняк» сидел на животе, подумалось – или рак начинается, или язва.

– И где у них порча? Что болит? – У Профессора от удовольствия сверкали глаза – такое развлечение, и все бесплатно! – Можешь сказать?

– Вот у него, скорее всего, сильные боли в пояснице, а вот у него – или желудок больной, или кишки.

– Ну-ка, ну-ка… Он правильно говорит, парни?

Аферисты-мошенники ошеломленно покачали головами – да, верно.

– А снять порчу можешь? Для своих корешков? – Профессор внимательно смотрел мне в глаза. – Реально можешь?

– Могу. Сейчас сниму. Идите сюда.

Мужчины, на лицах которых застыло недоверчивое выражение, встали с мест и подошли ко мне. Я легко коснулся «слизней» рукой, они лопнули как обычно и исчезли.

– Все. Порча снята.

– И что, вот так, махнул рукой, и все? – разочарованно протянул Профессор. – Я-то думал, что-то более зрелищное будет!

– Я что, должен был бить в бубен, скакать полчаса орангутаном и потом только объявить, что порча снята? – Меня разобрал смех, и я тихонько засмеялся, поддержанный Профессором и своими «соратниками».

– Ну да, что-то вроде этого! Вообще, когда выйдем, и ты снова начнешь свою аферу, приходи ко мне за консультаци-

ей – ты совершенно не умеешь подавать свое дело в нужном ракурсе! Где длинные патлы, где демонические причиндалы вроде хрустальных шаров и магических метелок? Ну какой уважающий себя бизнесмен отвалит тебе приличный кус? Так и будешь кусочничать со своей мамашей! Эх, молодежь, учить вас и учить! А как они почувствуют, что порча снята?

– А они уже почувствовали, не правда ли? – спросил я полеченных мужчин. – Поясница не болит, живот тоже, да?

– Правда… я давно так хорошо себя не чувствовал, если забыть, что я на нарах, – с удивлением выговорил высокий мужик, вроде как его звали Владиславом, насколько я помнил. – Раньше как кол в желудок вставили, а теперь вообще ничего, как у младенца! Силен парень!

– Да, я тоже чувствую, – добавил толстячок. – Слушай, как выйдем отсюда – предлагаю сделать клинику! Будем обслуживать ВИП-клиентов, денег будет море!

– Стоп-стоп, забито! – хлопнул ладонью Профессор. – Я и без вас парня пристрою к делу. Кстати, мы можем подзаработать и тут – есть желание? Будешь снимать порчу с братвы – будем брать продуктами, деньгами, все на семью. Чаем будем брать, сигаретами – мы такую развернем деятельность! Я все организую, комар носу не подточит! Согласен?

Я не раздумывал ни секунды: одно дело – ты залетный лох, без всякого статуса в этом сообществе, и другое – нужный человек, считай, лекарь.

– Давай организовывай. Вы обеспечиваете мне прикрытие, ну а я снимаю порчу. Все заработанное на общак в семью.

– Молоток! – восхитился Профессор. – Только это, учти – некоторых, кого покажу, будешь лечить бесплатно – это смотрящий и его приближенные, а также воры и авторитеты, которые тут, в СИЗО. Политика, сам понимаешь. Типа ты на общак лечишь. И еще – будем долю в общак хаты засылать, иначе работать не дадут. Все, сейчас я договорюсь с Лысым!

Профессор вскочил с места и пошел к смотрящему – они долго что-то обсуждали, потом смотрящий важно кивнул, и Профессор с довольным видом вернулся назад.

– Ништяк все! Десять процентов на общак, смотрящему, его и его свиту лечим бесплатно, и он нам еще подсылает людей на предмет осмотра и лечения! Вот развлекуха, и питание будет нормальное! Сейчас мы их раскрутим!

По одному потянулись страждущие – Профессор брал с них то банку тушенки, то денег пятьсот рублей, то пачку чаю – тут продукты, особенно чай, были дороже денег, пачка чая стоила как раз те пятьсот рублей.

К вечеру у нас набралась приличная мзда, пересчитав которую Профессор отделил долю на общак и отнес Лысому. Вернувшись, с удовлетворением сказал:

– Да-а-а… хороший бизнес! Повел рукой – и вот тебе капитал. Айда чай пить – сейчас сварганим!

Профессор со товарищи торжественно достали откуда-то

жестяную банку. Налили туда воды из-под крана и стали варить чифир кипятильником – я никогда до того не пробовал эту гадость. Но пришлось… Потом мы плотно поели – люди «семьи» были довольны свалившимся с небес угощением, и я снова забрался на шконку.

Так тянулись мои дни – иногда ко мне приводили людей из других камер, и я снимал с них порчу, дважды выводили к каким-то охранникам – прознав о моих способностях, они потребовали, чтобы их тоже лечили от порчи, – но меня все не вызывали и не вызывали по моему делу, как будто решили похоронить в этой живой могиле.

Я иногда разговаривал с Профессором, и он подтвердил мои опасения: меня могут держать в камере по беспределу месяцами, стряпая заново и заново различные бумажки – мозг человека всегда был изощрен в подобных гадостях.

После начала моей карьеры тюремного лекаря я был, можно сказать, если и не в авторитете, то в немалом уважении – на меня больше не пытались напасть, а тот, кто попробовал наехать, исчез в тюремной больнице, и, по слухам, то ли умер, то ли ушел на волю инвалидом.

Я получил репутацию колдуна, черного колдуна, который может не только снимать порчу, но и напускать ее. Впрочем – а разве это было не так? Кроме того, за меня горой стояли «семья» и смотрящий со своими прихлебателями – они тоже имели с меня довольно хороший доход.

Передачи я не получал – уверен, что моя мать пыталась

проникнуть ко мне и что-нибудь послать, но ей отказывали под любым предлогом. Как потом выяснилось, так все и было…

В один из дней дверь камеры с лязгом открылась, вошли двое охранников и выкрикнули мою фамилию.

Я от неожиданности даже вздрогнул, потом облегченно вздохнул и сказал Профессору:

– Наконец-то хоть что-то определится.

– Ну-ну… на всякий случай – удачи, Колдун! Если в камеру не вернешься, запомни номер сотового, он простой. – Профессор быстро продиктовал мне номер. – Состыкуемся, если что.

Охранники, как ни странно, спокойно смотрели, как я прощаюсь с сокамерниками, и не торопили. Все-таки слава черного колдуна имеет свои преимущества – вдруг порчу напустит?

Заложив руки за спину, я пошел за ними по коридору, после процедур оформления снова отправился в автозак, и через два часа меня вели по вонючему коридору к знакомому кабинету, с которого началось мое путешествие в тюрьму.

Конвоир толкнул дверь, спросил разрешения, и второй конвоир подтолкнул меня в спину, пред светлые очи хозяина кабинета.

Очи были и правда светлые, да и хозяин очень уж сильно побелел. Он был бледен, изможден и тощий как палка, одежда висела на нем, как на вешалке, на голове пульсировал мой

«слизняк», выкачивая силу и перекачивая в меня.

Все эти месяцы, что провел в СИЗО, я чувствовал, как тают силы полковника и поддерживается мое здоровье. Я бы не удивился, если бы узнал, что и лет жизни у меня прибавилось, а у полковника сократилось.

– Что, доволен? – Лицо полковника задергалось в нервном тике и перекосилось. – Проклятый колдун! – Полковник достал пистолет, передернул затвор, дослав патрон в патронник, и направил ствол на меня. – Я сдохну, но и ты сдохнешь, тварь! – Он выстрелил, целясь мне прямо в грудь, дважды нажав спусковой крючок.

Как будто страшный молот обрушился на мое плечо и грудь – одна пуля разбила мне ключицу, а другая пробила легкое, и изо рта у меня фонтаном хлынула пузырящаяся кровь.

Последнее, что я увидел, это как мой «слизняк» раздулся раза в три и запульсировал с такой скоростью, что его пульсации перестали быть видны, такое впечатление было, что он просто завизжал, перекачивая энергию от полковника ко мне. Это меня спасло, а полковника убило – фактически он убил самого себя, заставив мою черную сущность активизироваться в попытке очень быстро восстановить мое здоровье, конечно, за счет его жизни, а жизни оставалось немного – за два с половиной месяца «слизняк» успел разрушить его организм.

Полковник умер на месте, но я этого не видел, потеряв

сознание.

Очнулся я уже в больнице, под охраной милиционеров, стоящих в изголовье, и первое, что увидел над собой, – шар головы следователя.

– Очнулся? Давай поговорим с тобой, расскажешь, как дело было. – Капитан милиции сидел рядом со мной и с интересом смотрел на меня. – Самое главное, скажи мне, как это получилось, что в тебя всадили две пули калибра девять миллиметров, а ты остался жив, и при этом раны твои выглядят, как будто ты был ранен лет десять назад? А? Пояснишь? Пули остались в тебе и каким-то образом зависли в теле, не мешают тебе жить. Как это может быть? И вообще, с чего вдруг полковник стал в тебя стрелять чуть ли не с порога? Тут ходят странные про тебя слухи – информация просто потрясающая, как в передаче про таинственные явления на РЕН-TV… Ну так что, пояснишь мне что-то?

– Ну а что пояснять-то? – с недоумением сказал я. – Ну начал этот ваш придурок стрелять в меня, почему – не знаю. Я упал, очнулся… хм… ну не гипс, да, палата вот эта. Сами-то вы хоть знаете, что с ним случилось, почему он спятил?

– Знаем, – неохотно ответил после непродолжительного молчания капитан. – У него был рак мозга в последней стадии, скоротечный, с метастазами везде, где только можно и нельзя. Так почему он стал в тебя палить?

– Извините, ну вы же взрослый человек, у человека рак

мозга, он медленно или быстро сходит с ума – я-то как вам могу пояснить, что было у него в мыслях?

– Да, мне говорили сотрудники СИЗО, что ты умеешь говорить, сокамерники о тебе докладывали. Но также они докладывали, что ты там занимался снятием проклятий, и вроде как они боялись, что ты можешь их насылать, это так? Фактически ты можешь убивать людей, насылая на них проклятие, на расстоянии, и так, что все будут считать это естественной гибелью. Это верно?

Я замер. Внутри у меня похолодело, я разглядывал гладкое лицо следователя, его короткую спортивную прическу и соображал – тут что-то не то! Как они меня вычислили?! Потом в голову пришла мысль: это не следователь.

– Вы кто такой? Покажите мне свои документы, удостоверение там или еще что-то, иначе дальше я с вами не буду разговаривать!

– Вот мое удостоверение. – Следователь достал красную книжечку и помахал ею перед моим лицом. – Ну что, успокоился? Решил, что тебя бандиты, что ли, похитили? Нет, братец, бандитам мы тебя не отдадим. Знаем мы все про тебя – знаем, как лечил в своей квартире, как полковник на тебя наехал, знаем, что ходил ты к психиатрам в больницу, – засветился ты по полной, и деваться тебе некуда. Поступаешь ты в отдел специальных мероприятий при… хм… да не нужно тебе это знать, где это «при». А что ты будешь делать, наверное, догадываешься. И давай без глупостей, твоя мать

сейчас находится у нас, и, если ты взбрыкнешь, попытаешься, например, наслать проклятие на меня или на других сотрудников, твоя мать погибнет. Смотри сюда. – «Следователь» достал из сумки планшетник, пощелкал клавишами, и на экране появилось лицо моей матери.

– Сынок, со мной все в порядке, я нахожусь в хорошем месте, обо мне заботятся. Пожалуйста, сделай все, что они просят. Я тебя люблю, и мы скоро увидимся.

Мать говорила монотонно, как неживая, похоже – ее напичкали какими-то наркотиками или психотропными средствами. У меня заныло сердце – единственное, на чем они меня могли взять, это мать. И они поймали меня…

«Следователь» закрыл планшетник и доброжелательно, практически любовно сказал:

– Не беспокойся, все будет нормально! Ты получишь все, что хочешь, будешь жить в достатке, получать деньги на счет. А когда отработаешь положенное время – тебя отпустят, здорового и веселого! Будешь жить-поживать на свои денежки с мамой и с кем там захочешь, и все, никаких проблем! Ну все, отдыхай, а наши ребята тебя пока постерегут, чтобы ты чего-нибудь не выкинул, говорят, ты парнишка хоть и тихушник, но строптивый, как черт. Отдохни, а завтра врачи тебя посмотрят и скажут – в каком ты состоянии и можно ли начинать с тобой работу. Какую работу? Увидишь. Теперь ты боец спецподразделения «Ночь». Гордись!

«Следователь», усмехнувшись, вышел из комнаты, а я с

горечью подумал: «Вот на хрена мне это все надо было? Ну зачем, зачем я полез обеими своими погаными ручонками в тот телевизор? Иииииэээххх…»

Глава 3

Долго я в палате не залежался, меня поволокли на обследования – брали кровь, просвечивали мозг, руки-ноги, все тело мое исследовали, будто я подопытная собачка, и не отвечали ни на какие вопросы.

Я вообще не знал, где нахожусь – то ли в подземелье, то ли высоко над землей, а может, под водой, да черт их знает! Эти гребаные врачи – или не врачи? – молча, как автоматы, бегали вокруг меня и только подавали однообразные короткие реплики: подержи то, подержи се, наклонись, выпрямись, не дыши – дыши.

Аппаратура, которую они использовали, была мне незнакома, одно было ясно: эти приборы очень дорогие и вряд ли стоят в районной больнице города Заплюевска.

Столько исследований мое тело не видело никогда – тем более что я и болеть-то не особо болел…

В конце всех процедур меня повели в небольшую комнату, обставленную аскетично, но стильно – кресла из белой кожи, столик из толстого темного стекла, какие-то картинки на стенах – все в тон, все нарядно и даже на вид дорого. Там сидел приятный мужчина лет пятидесяти, с седоватыми волосами и голубыми пронзительными глазами, смотревшими весело и немного с насмешкой.

– Приветствую вас, молодой человек. Вас звать Петр, на-

сколько мне известно. Меня – Алексей Федорович. Я куратор по паранормальным явлениям группы «Ночь». Присаживайтесь, поговорим. Итак, насколько я знаю, вы обладаете способностью напускать порчу на людей, с тем чтобы они теряли здоровье и умирали. Расскажите мне с самого начала – откуда у вас взялась эта способность? Чувствовали ли в детстве свою необычность? Были ли у кого-то в вашем роду аномальные способности? – Он расположился поудобнее и закинул ногу на ногу. – Не спешите, у нас много времени – рассказывайте все, с самого начала.

И я рассказал. Все. Или – почти все. Зачем им знать, что я могу видеть картинки или же что я могу взглядом остановить человека? Чем больше у меня есть неизвестных им способностей, тем сильнее я буду против них. Никакой уверенности в том, что спецслужбы – а это были именно они – отпустят меня хоть когда-нибудь, у меня не было совершенно. Да, я никогда не сталкивался с ними (если только в булочной, в дверях), но о том, что войти сюда можно, а выйти нет, рассказано в тысяче книг и документальных свидетельств. Нет бывших шпионов, как нет бывших ментов – профессия навсегда накладывает отпечаток на человека.

В общем, я рассказал ему про «слизняков», про лечение, про напускание «слизняка», только сразу предупредил, что напускать осмысленно я не могу – у меня получилось это один раз, и то когда я был в страшной ярости и ненавидел этого человека. Поэтому, скорее всего, пользы от меня будет

мало. Вот снять «слизня» – пожалуйста, а напустить его – это не очень-то в моих силах.

Выслушав мой рассказ, куратор недолго помолчал, потом усмехнулся как-то грустно и сказал:

– Мы тебе поможем развить свой талант – хочешь ты этого или не хочешь, не беспокойся. Мне кажется, ты парень неглупый и даже себе на уме, так вот, я без обиняков сразу хочу тебе сказать: жизнь твоей матери зависит от того, как ты себя поведешь. Пока ты слушаешься – жива и она, если мы придем к мнению, что ты бесполезен, что ты сопротивляешься обучению и нашим указаниям – матери будет плохо, а тебя могут выкинуть с промытыми мозгами, с лоботомией на улицу. Мы же не можем оставить на свободе – и не на свободе тоже – здорового колдуна-монстра, способного убить любого человека, в том числе из руководства страны. Или ты у нас под контролем и подчиняешься нашим указаниям, или ты умираешь, превращаешься в овощ, исчезаешь. Тебе это понятно? Помнишь кино «Никита»? Так вот, ты сейчас наша Никита, более того – от тебя зависит жизнь твоей матери, и, если надо будет тебя сломать, мы ни минуты не будем колебаться и сделаем это с помощью твоей матери, используя ее. Извини, Петр, таковы правила игры. Ты не в то время и не в том месте… сунул пальцы в розетку. Мне жаль тебя, но, если нужно будет для дела, я лично перережу горло тебе и твоей матери.

– И после этого вы говорите, что наше государство право-

вое и что у нас все по закону? – со злобной досадой выдавил из себя я, кипя от бессильной ярости. – А что будет, если я сейчас напущу на вас порчу и вы будете умирать в корчах много дней, зная, что никто не сможет ее снять? Вот прямо сейчас напущу – не боитесь?

– Боюсь, – спокойно сказал куратор, – но это моя работа, а если ты это сделаешь, твою мать убьют медленно и мучительно, и покажут тебе фильм, как это делали, и ты запомнишь на всю жизнь, как убил свою мать. Если тебя оставят жить. Кроме того, найдут всех твоих родственников – да что их искать? Все они известны. Тетки, двоюродные и троюродные братья – погибнут все. Фактически их убьешь ты. Ты все еще хочешь напустить на меня порчу?

– Хочу. Но не напущу. Я вас ненавижу, вы даже хуже этого сраного полковника – он был просто мздоимцем, подлецом, а вы реально нелюди.

– Согласен. Иногда я сам себя ненавижу… а что делать? Так получилось. Ты не один в группе, там есть еще люди с паранормальными способностями – гипнотизеры, экстрасенсы… не те придурки, что устраивают клоунады на телевизионном экране, нет, настоящие экстрасенсы, ты с ними познакомишься. Заодно и проверим, как на тебя действует тот же гипноз. Кроме тренировок по экстрасенсорике ты пройдешь полный курс обучения диверсанта-разведчика. Что толку от твоего проклятия, если ты не сможешь подойти вплотную, на рабочее расстояние к объекту нападения? И зачем нам те-

рять ценного агента, если ты не сможешь уйти с места происшествия? Ты получишь полный курс – тебя будут учить переодеваться, менять внешность, добывать документы, убивать людей голыми руками и подручными предметами, стрелять, метать ножи, ездить на всех видах транспорта. Хочешь стать Джеймсом Бондом? Неужто нет? А! Ты хочешь свернуть мне шею? Ну что же, и шею сворачивать тебе придется. Будет такая возможность. Отмечу хорошее: у тебя будет столько денег, сколько тебе надо, дорогая машина, квартира или дом, путешествия за границу, красивые женщины… Плата только одна – в определенный момент ты напускаешь порчу на того, на кого мы укажем. Без вопросов и сомнений. Все сомнения будут расцениваться как предательство, и ты или твоя мать будете наказаны. Запомни еще раз и забудь о бегстве или каких-то вредоносных действиях в отношении кураторов группы «Ночь» – ты наш. Навсегда. Не обольщайся, что отсюда куда-то там сбегают – не сбегают. Из тюрьмы можно сбежать, из психушки, откуда угодно. От нас – нет. Тебя найдут всегда и везде на этой Земле, в любом ее уголке. И расплата будет страшной. – Куратор помолчал. Его жесткие, как ледяные иглы, глаза потеплели, и он усмехнулся. – Да ну что мы заладили – расплата, расплата… Гляди, ты жив, здоров, чистый, сытый, впереди интересная жизнь – чего печалиться? Сейчас ты пройдешь в один кабинет – будет немного больно, потерпи. Пошли за мной.

Куратор поднялся и вышел из кабинета, дождавшись, ко-

гда я встану и пойду за ним.

Он привел меня в белоснежную комнату типа операционной: мощные светильники над установленным в центре столом, по обе стороны которого застыли двое в хирургических масках и костюмах.

– Снимай рубаху и ложись на стол. Сейчас будет немного больно, но придется потерпеть, это необходимо.

С замиранием сердца я стащил с себя полотняную рубаху и улегся на живот. Стоявшие у стола люди прихватили мои руки ремнями, зафиксировали ноги, голову, и один из них протер резко пахнущей жидкостью место где-то у моей левой лопатки. Затем резкая, шипучая боль – у меня даже искры из глаза посыпались и закапали нежданные слезы, и все прекратилось. Место укола залепили пластырем, меня развязали, и я, кривясь и морщась, оделся.

– Вот теперь, уважаемый Колдун… кстати, ты так и проходишь теперь по нашим документам… мы будем знать всегда, где ты находишься, с кем ты находишься и слышать все твои разговоры. Это сделано для нашей и твоей безопасности. Мы же не можем допустить, чтобы такой ценный агент, как ты, пропал, исчез в неизвестном направлении. Ты всегда будешь на наших мониторах, и мы будем знать, жив ли ты. Капсулу, которая в тебе теперь сидит, извлечь трудно – самостоятельно ты это точно не сделаешь, а при попытке извлечения она может взорваться и убить тебя заложенным в ней мгновенно действующим ядом. Также мы можем взорвать ее

на расстоянии, если увидим, что ты совершаешь что-то такое, что идет вразрез с данными тебе инструкциями. Учти это. Ты наш – навсегда! Теперь можешь идти в свою комнату, тебя проводят. Завтра первый день твоих занятий. О расписании тебе расскажет тот, кто провожает. Ну что ж, добро пожаловать в группу «Ночь», Колдун!

Моя комната ничем не отличалась от других комнат, которые я здесь видел: аскетизм, стерильность и ничего лишнего. На письменном столе в углу – компьютерный монитор, рядом ноутбук, авторучки, бумага. У стены кровать – довольно широкая, можно сказать, двуспальная.

Посмотрел – рядом вход в ванную комнату, сверкающую кафелем и хромированными ручками кранов, унитаз, биде и кабина душа. Была и ванна – тоже сверкающая и стерильная, хотелось в нее плюнуть, чтобы хоть как-то нарушить совершенство этого царства чистоты. Была и кухня – оборудованная огромным количеством всякой бытовой техники, от посудомоечной машины до каких-то комбайнов, мне непонятных и неизвестных. Два огромных холодильника заполнены всевозможными продуктами – деликатесами и полуфабрикатами.

Как сказал мой провожатый, человек лет тридцати, представившийся Николаем, я могу обедать в столовой, где обедают все курсанты, а могу сам себе готовить что-то в этой кухне – по желанию. Продукты будут автоматически по мере их использования восполняться. Если есть какие-то пожела-

ния – что-то хочется из продуктов или что-то не хочется, – оставлять записку на холодильнике, прикрепив магнитом, все будет сделано. Одежду и белье, нуждающееся в стирке, надо оставлять в крытой пластмассовой корзине. Компьютеры подключены к Интернету, так что можно читать и смотреть все что угодно, связываться с кем угодно – но с одним условием: как только я попытаюсь нарушить государственную тайну, Интернет отключат, а я понесу наказание. Вся моя жизнь теперь под контролем. Приводить в свою комнату я могу всех, кого пожелаю, оставлять на ночь и делать с ними все что хочется, в пределах разумного, конечно, – убивать нельзя, калечить тоже, а так кувыркаться в постели можно с кем угодно, женщинами, мужчинами и даже баранами, если я тут их отыщу, – не возбраняется. После двадцати двух ноль-ноль ходить по коридорам воспрещается, только по вызову руководства. Начало занятий в восемь ноль-ноль, подъем в семь. В двенадцать ноль-ноль – час на обед, потом занятия до семнадцати ноль-ноль. После занятий – свободное время и отбой двадцать два ноль-ноль. За соблюдением распорядка строго следят, и за злостное нарушение распорядка может быть назначено наказание. Какое? От банального избиения до дополнительных нагрузок в обучении – а это еще хуже. Теперь все. Если чего-то понадобится – все что угодно, просто нужно сказать вслух: я хочу то-то и то-то, и мне это доставят. Женщину? И женщину тоже – по моему выбору. Антилопу гну? Вряд ли – если только со спиленными рога-

ми.

Когда я остался один, то скинул кроссовки и бросился на постель, раздумывая о том, что на меня навалилось… Лежать на мягкой, упругой постели было приятно, но мысли были совсем неприятные – стелят-то мягко, спать вот жестко… Фактически – я раб. Элитный раб, да, мне дают все-все, о чем может мечтать обычный человек, – сытость, удовольствия, зрелища, но отнимают свободу. Я даже сходить погадить не могу без того, чтобы кто-то не слышал и не видел, как я это делаю! Даже рабы могли это делать без глаз и ушей надсмотрщика, а я не могу! Ну не скотство ли?

Спина болела, ощущая наличие в моей спинной мышце надзирающей бомбы – без нее еще как-то можно было надеяться на благополучный побег, но с ней – как я с ней убегу? Грохнут на взлете, как дурную заполошную утку из двустволки… Ну что ж, пока я жив – надеюсь. Надеюсь на то, что они сами воспитают из меня то, что потом сможет их победить. Пока я обычный пацан, никакой, но в будущем… посмотрим, кем я стану в будущем. Человек всегда найдет дырку даже в непроницаемом заборе, в этом я был уверен.

Пройдя на кухню, открыл холодильник и, порывшись в нем, с удивлением и удовольствием обнаружил здоровенную банку черной икры, несколько бутылок пива разных видов, сырокопченую колбасу, виноград, груши, яблоки… Выложил все это богатство на стол и стал поглощать с мстительным удовлетворением – хоть обожрать их, моих пленителей,

раз убить не могу!

Появившийся в дверях кухни Николай, с улыбкой понаблюдав это торжество плоти, сказал с усмешкой:

– Главное, чтобы завтра на занятиях не обделался, а то от такой еды точно пронесет. Вот тебе расписание, завтра в первой половине дня занятия по физо и рукопашному бою, после обеда спецзанятия – по твоему профилю и теория по общим основам разведки. В восемь утра ты уже должен быть в спортивном зале, налево десятая дверь. Одежда – кимоно и кроссовки – будет лежать у твоей кровати. И без опозданий, помни, что я говорил о наказаниях.

– Николай, а сколько вообще это обучение будет длиться? Когда я смогу выйти из этого здания на свободу?

– На свободу? Никогда. Из этого здания на землю – когда закончишь обучение. А обучение закончится тогда, когда мы сочтем тебя подготовленным. Обычно оно длится до двух лет, без выходных и отпусков. Выходные не предусмотрены – на том свете отдохнем. Твоя задача пройти обучение как следует – от этого зависит длина поводка, на котором тебя будут отпускать ходить по земле.

– А мать я смогу видеть?

– Только по телевизору и по специальному разрешению, раз в месяц. Для нее ты в важной правительственной организации и контакты с тобой запрещены законом. Впрочем, это так и есть. Ну все, отдыхай. Не забудь завтра вовремя прийти на занятия. Телевизор можешь смотреть через компьютер –

там все налажено, шестьсот каналов. Удачи, Колдун.

Я остался перед своей грудой продуктов – есть уже расхотелось. Мысли о несвободе и о неясном будущем не способствуют хорошему аппетиту.

После обеда сел за компьютер – полазил, почитал новости, включил телевизор, улегся на постель, незаметно угрелся и уснул.

Проснулся уже ночью, поглядел на мерцающий экран монитора, на котором дикторша вешала что-то важным голосом, исходящим из неподвижной манекенной головы, нажал кнопку выключения и снова уснул сном младенца – после диких условий СИЗО эта золотая клетка казалась просто раем.

Мне приснилось, что на меня летит огромный тепловоз – с ревом, шумом колес, – я еле успел от него увернуться, проснулся в холодном поту и понял, что ревел не тепловоз, а сигнал побудки, видимо проведенный в каждую комнату курсантов. Кстати, я так и не узнал, сколько курсантов будет обучаться вместе со мной – Николай только сказал: увидишь! Возможно, он и сам не знал толком, сколько курсантов будет.

Я быстро позавтракал, надел кимоно, оказавшееся мне точно по размеру (да и глупо, если бы это было не так), натянул кроссовки и вышел в коридор.

Оглянулся – двери снаружи никак не запирались, впрочем, изнутри я тоже запоров не заметил. А от кого запирать-

ся? Чужие тут не ходят, все просматривается, а у рабов нет интимных секретов и быть не может.

Прошлепав по коридору, отсчитал двери, толкнул десятую и замер – это был громадный зал, теряющийся где-то далеко-далеко, даже не видно где. В нем находились какие-то постройки и странные сооружения – видимо, для бега с полосами препятствий.

В углу у входа уже кучковались человек десять молодых ребят, одетых как я – в кимоно. Их возраст колебался от семнадцати до двадцати пяти лет, впрочем, как я уже говорил, могу и ошибаться. Женщины выглядят то моложе своих лет, то старше, парни… по парням я вообще – пас. Даже пройдя тюрьму…

Я подошел к группе, поздоровался и уставился на Николая, стоящего рядом с человеком среднего роста, лет сорока с небольшим – коротко стриженным, с шеей, плавно переходящей в пулевидную голову, – похоже, это был наш тренер.

– Курсанты! Это ваш тренер. Вы будете его звать Мастер. Обращаться друг к другу только по псевдонимам, потом вы узнаете, какие у кого псевдонимы. Мастер будет руководить вашей физической и рукопашной подготовкой в течение всего времени обучения. Он же – ваш экзекутор, если вы проштрафитесь. Я вас покидаю до конца занятия. Мастер, они ваши.

Николай усмехнулся и неслышными шагами пошел к выходу, скрывшись за плотно притворенной белой металличе-

ской пластиной.

Мастер внимательно оглядел нас маленькими жесткими глазками и сказал:

– Вы все – дерьмо! Вы никуда не годные твари, которых одним пальцем убьет любой спецназовец. А вы должны быть круче их, вы должны быть настоящими убийцами, убийцами от Бога, вернее – от Сатаны. Я научу вас убивать голыми руками, предметами, холодным оружием – так естественно, как будто вы просто едите вилкой и ложкой. Это очень жесткое обучение, и выбывшие тут будут только на тот свет. Вас уже предупредили об этом. Кончились детские игры, кончились шуточки, вы – группа «Ночь», вы блуждающие тени в ночи, вы хуже чем ночь – ночь отпускает, а вы не должны отпускать, если вцепились в жертву. Мы будем заниматься рукопашным боем, физической подготовкой, психологической подготовкой к тому, чтобы вы были готовы убить. Это непросто, это очень непросто. Ударить человека, покалечить его – это одно, а убить его одним ударом, так чтобы он больше никогда не смог жить, – совсем другое, особенно когда вы смотрите ему в глаза, видите, как он умирает… это вам не из винтовки стрельнуть за два километра. Впрочем, и этому вас научат. Запомните: вы – Тени! Вы незаметные, невидимые, каждый из вас обладает каким-то особым умением, которое он применит в своей деятельности. Это умение будет отдельно развиваться, в особом порядке, а я вас буду обучать общему курсу, который не преподается ни в одном спецпод-

разделении, только в нашем. Вы элитные убийцы, и вы всегда у нас на прицеле, вы оружие, запомните! Но пока – вы дерьмо. И из этого дерьма мы будем лепить стальной клинок. Вот ты, увалень, иди сюда… Как тебя звать? Ну да, ты, ты, бестолковая орясина!

– Пе… Колдун.

– Так вот, Колдун, ты что-то умеешь? С помощью чего ты можешь убить человека такого же сложения и роста, как ты?

– Умею. Взять нож и воткнуть ему в сердце.

– На, возьми нож. Попробуй, воткни мне в сердце.

Мастер подал мне тупой пластиковый черный нож, я неловко взял его, покрутил в пальцах и неожиданно выбросил руку вперед, надеясь покончить с наглым и самодовольным преподавателем раз и навсегда. Конечно, ничего у меня не вышло, но попробовать-то стоило?

Я плюхнулся на маты всем весом своих девяноста килограммов, и из меня улетучился весь воздух, вдобавок Мастер вывернул мне руку с ножом так, что я с минуту вопил и пытался удержать слезы, катящиеся из глаз от боли, – еще немного, и он сломал бы мне руку.

– Видите, – как ни в чем не бывало спокойно продолжил Мастер, – здоровенный детина плачет как дитя, когда дядя взял его за ручку! Вот и вы все такие – рыхлые, самодовольные, неотесанные! Ничего, я вас доведу до ума… поднимайся, детинушка. Встать в строй. Теперь замечание по тому, что вы сейчас видели: забудьте то, что я сейчас делал, вы бу-

дете изучать другой рукопашный бой. В методе, которым вы будете действовать в аналогичной ситуации, нет места удержаниям или болевым приемам, вам не для чего захватывать противника. Вам надо его убить – кратчайшим и наиболее эффективным способом: его же ножом или голыми руками. Предупреждаю, рядом всегда дежурит группа реанимации, но некоторые из вас могут и не дожить до конца обучения. Зато оставшиеся выйдут сухими из любой ситуации. В основу нашего комплекса рукопашного боя входят выжимки из всех известных человечеству и из всех неизвестных большинству людей стилей борьбы с оружием и без оружия. Никаких балетов, никаких па и пируэтов – удары ногой не выше пояса. Выше пояса – только руки. Никаких прыжков, никаких грозных и красивых стоек, каждый ваш удар это и защита и нападение, каждый удар – смерть противнику или тяжелое увечье, на худой конец, и только так. Итак, начинаем с пробежки, становитесь – побежали за мной!

Примерно с час мы бегали, отжимались, кувыркались, разминались. Потом приступили к тренировке.

Время пролетело незаметно, и, когда появился Николай, все уже порядочно вымотались и покрылись синяками. Мне даже некогда было рассмотреть своих одногруппников – только успел заметить, что парней вместе со мной было пять человек, а девушек шесть. Странно. Почему девушек больше и почему вообще их так много в этой группе? Потом рассудил: для убийцы важно быть незаметным, выглядеть без-

обидным и беззащитным – кто лучше всего подходит для этой роли? Конечно, девушка.

Николай объявил:

– Сейчас все на обед, перерыв час. Столовая – направо третья дверь, или каждый может пообедать у себя. В своей комнате – помыться, переодеться в слаксы и рубаху. Приготовиться к теоретическим занятиям. С собой блокнот для записей и авторучку. Предупреждаю, что нагрузка будет увеличиваться с каждым днем, и через полгода время вашего дневного обучения уже составит двенадцать часов. Пока – всего восемь. Вот еще что – девушкам не рекомендуется оставлять длинные волосы. Всем, у кого они отличаются от длины волос парней, подстричься. После окончания курса при желании вы снова отрастите волосы. Сейчас они будут только мешать. Впрочем, потом они вам тоже будут мешать – вас легко схватить за эти волосы и лишить подвижности, а то и искалечить. Учебный класс располагается в восьмой комнате. Номер на двери. Разбежались! – Николай негромко хлопнул в ладоши, и мы медленно потянулись из помещения.

Я искоса смотрел на своих соратников и думал – чем же их могли сюда залучить? Каким способом? Наверное, не менее радикальным и отвратительным, чем тот, которым воздействовали на меня. И еще – что они умеют? Это ведь непростая группа, как мне сказал куратор. Кто есть кто из них? Ну да ладно, скоро я все и так узнаю. Возможно.

Обедать я решил у себя – перекусил, попил чаю, выпил стакан сока, выжатого из грейпфрута – а чего себе отказывать? – и поплелся на занятия по теории.

Все уже сидели в классе – приготовив ручки и блокноты. Экстраординарного ничего не было – ознакомительные лекции по теории наблюдения, слежки, изменения внешности, – кое-что я даже встречал в популярной литературе. Мы записывали и украдкой рассматривали друг друга.

Девушки были вполне миловидные, особенно понравилась одна брюнетка с короткой стрижкой типа «тифозная». Восемнадцатилетняя ангелоподобная детка с большими зелеными глазами невинно хлопала ресницами, и на лице ее было все, кроме отражения того, что сейчас она учится на спецкурсах по убийству людей. Кто мог заставить такую юную особу заниматься столь неблаговидным делом и КАК ее заставили? Это я узнал позже, через несколько месяцев после начала занятий. Сейчас я знал только то, что ее псевдо был Ласка.

Когда я услышал его, усмехнулся – вообще-то ласка совсем не ласкова, это страшный зверь, очень быстрый, жестокий, просто невероятно жестокий при своей красоте. Это один из немногих зверей, которые убивают ради удовольствия – если ласка завелась в курятнике, она убьет всех кур, а сожрет только одну и то не целиком. Соответствовала ли девушка своему звериному аналогу? Я не знал этого.

Остальные девушки тоже были вполне симпатичными и…

как бы это сказать… незаметными. Если она не накрасится, не наденет что-то вызывающее – пройдет мимо, и потом не вспомнишь, что она тут проходила.

Таковы же были и парни – среди них лишь я выделялся ростом, все-таки у меня рост за сто восемьдесят сантиметров, сто восемьдесят пять, если быть точным, а они все были ниже меня сантиметров на пять – десять.

Так что тут сидела группа действительно теней – пройдут незаметно, и человек умер, не успев осознать, что он уже труп, и никто потом не сможет вспомнить лицо этого среднестатистического человека-убийцы.

Как оказалось – мне не будет позволено знать, какими сверхнормальными способностями обладают мои соратники.

Через два часа после начала занятий нас развели по разным комнатам. В моей комнате оказался куратор Алексей Федорович и небольшой сухонький человечек академического вида. Он жадно разглядывал меня, подробно расспросил о моих ощущениях, а потом спросил:

– Сейчас вы ни на ком не видите, как вы говорите, «слизняка»?

– Нет, ни на ком. Вы чисты.

– Славно, славно, – потер руки человечек. – А наслать его на кого-нибудь можете, например – на него? – Он показал пальцем на недовольно поморщившегося куратора. – Попробуйте, нашлите на него порчу!

– А потом у меня будут неприятности? – подозрительно буркнул я. – Гарантируете, что проблем не будет?

– Гарантируем, гарантируем… вы тут же и снимете «слизняка» с него!

– А вдруг не смогу снять? – с мстительным удовлетворением сказал я. – Вдруг я могу снимать только чужих «слизняков»? Да и не кажется ли вам, что после снятия «слизняка» процессы могут быть необратимыми? Например – он как-то запустит процесс образования раковой опухоли, и она будет развиваться сама по себе. Не думали над этим?

– Хм… – выпятил губу человечек. – Не думал. Нет, не думал. Возможно. Возможно.

– Так если возможно, какого хрена вы, профессор, напускаете его на меня?! – рассердился куратор. – Давайте вам посадим на шею «слизня», чтобы вас потом скрючило! Я вам что, подопытный кролик?! Курсант, я запрещаю вам без моего разрешения подсаживать кому-либо эту сущность, вы поняли меня? Под страхом жестокого наказания! А вы, профессор, вначале думайте и прикидывайте на себя, прежде чем ляпнуть!

– А что я, что я… чисто академический интерес, – засуетился профессор, – что такого-то? Ну оставим пока эту тему, потом обсудим. Перейдем к другой проблеме: скажите, юноша, а какие-то другие паранормальные способности у вас не проявлялись?

Мне показалось, что и куратор и профессор замерли, буд-

то охотничьи собаки, вставшие в стойку над дичью, – но нет, хрен вам!

Я сделал как можно более простое и невинное лицо и сказал:

– Нет, ничего – только порча и ее снятие. В основном снятие, порчу я напустил только один раз.

– А сейчас мы проверим, проверим… – почти пропел профессор. – Сейчас я попытаюсь вас погрузить в гипноз – вы знаете, что это такое. Не сопротивляйтесь мне и смотрите в глаза.

Профессор пристально посмотрел мне в глаза, и я буквально почувствовал, как его воля обволакивает меня и заставляет подчиниться.

Я никогда раньше не участвовал в сеансах гипноза и не знал, как это происходит, но представлял, что это выглядит именно так – без каких-то блестящих шариков, раскачивающихся на нитке, просто человек скажет, чтобы другой человек спал, и тот заснет.

Это же попытался проделать и мой собеседник, вот только промахнулся с выбором объекта – как только на меня стало наваливаться ощутимое ментальное давление, я легонько толкнул сжимающую мой мозг стенку, и она рассыпалась мелкими кирпичиками.

Профессор покраснел, вытер пот со лба и с сожалением сказал:

– Он не поддается гипнозу! Я встречал подобные случаи,

но очень редко. Против меня еще никто не устоял, он первый – я сильный менталист. Давайте его попробуем на детекторе лжи – там уже чисто механические факторы, устоять может только человек тренированный или от природы умеющий регулировать процессы, протекающие в организме. Ну что, проверим его?

– Давайте, – охотно согласился куратор.

Ну а моего желания никто и не спрашивал…

На меня нацепили кучу присосок, проводков и начали кружить по всем пунктам моих ответов, начиная с детских мастурбаций и заканчивая отношением к политике руководства России.

Я отвечал не думая, быстро и уверенно: да – нет, да – нет. Скоро они подкрались и к моим способностям:

– Владеете ли вы какими-то паранормальными способностями, о которых не знают кураторы?

– Нет.

– Пользовались ли вы какими-то паранормальными способностями, о которых не знают кураторы?

– Нет.

И вот такая бодяга тянулась около часа, пока мои мучители совсем не выдохлись и куратор не заявил:

– Хватит уже. Оператор четко сказал – все совпадения стопроцентны, он реально не врет. Увы… Ладно, отпускаем его и обсудим, как нам тренировать его в его способности напускать порчу. Есть у меня одна задумка… Иди, Колдун,

в свою комнату. Или в столовую, если хочешь. Свободен!

Выйдя в коридор, я уныло побрел к себе – мне было скучно, тоскливо… решил на ходу – пойду в столовую, хоть с кем-нибудь пообщаюсь – и то ладно, все веселее будет.

В столовой было безлюдно – за столиками я увидел только пятерых из тех, кто был в группе, Ласка сидела отдельно, остальные по двое.

Я подошел к стойке раздачи, взял поднос, наставил на него салатов, налил в тарелку борща, положил второго – раздатчика тут не было, все делали сами, даже объявление висело: «Курсанты обслуживают себя сами, грязную посуду сбрасывают в бак для посуды».

Обозрев эту громоздившуюся на подносе гору еды, я подумал и подошел к столику Ласки.

– Можно к тебе присесть?

– А зачем?

Я сделал глупое лицо и сказал:

– Ну как – сейчас я присяду, потом сделаю какое-то забавное замечание, ты улыбнешься, мы вступим в разговор, в процессе разговора почувствуем приязнь друг к другу, решим закончить беседу у меня в комнате. Там выпьем, расслабимся и на основе одиночества и оторванности от привычной среды вступим в интимные отношения… два раза. Или три – я сегодня в ударе. Так как, я присяду?

– Хм… присядь, – улыбнулась Ласка. – Хорошо у тебя язык подвешен! Только вот интимных отношений не обе-

щаю. А так – почему бы и не пообщаться? И правда скучно. А где ты научился так излагать свои мысли?

– В тюрьме. Меня учил один из самых крутых в стране аферистов – Профессор его погоняло.

– Ты был в тюрьме? – удивилась девушка. – За что? За кражу подштанников с коммунальной кухни? Или за совращение малолетних неформалок?

– Если бы! Тогда я бы был почтенный крадун или брачный аферист! Сидел всего лишь за колдовство и снятие порчи.

– Ага, вот откуда у тебя имя Колдун… Ну что, Колдун, пошли исполнять следующую часть твоей программы-максимум? Доел?

– Доел. Пошли.

Мы направились в мою комнату под взглядами наших соратников по группе и под неусыпным взором невидимых телекамер.

Подходя к двери комнаты, Ласка сделала неприличный жест куда-то вверх и со злобой сказала:

– Смотрите, сволочи! Еще не на все вы наложили свою лапу!

Она толкнула дверь и вошла в мою берлогу.

Конечно, уже через час мы были в постели. Ласка обладала невероятно привлекательным телом – смесь спортивной девчачьей фигуры, мальчишеских бедер и полной груди одалиски.

Она оказалась очень страстной – уверен, от ее стонов и

криков у всех, кто подглядывал в этот момент за нами через камеры, была устойчивая эрекция. Надеюсь – они стали после этого импотентами.

Я вначале испытывал неловкость, зная, что за нашими выкрутасами наблюдают внимательные и похотливые глаза, а потом это даже стало возбуждать, и я развернулся во всю силу, держа в руках бедра трепещущей смуглой Ласки, содрогающейся в череде непрерывных оргазмов.

Это безумие продолжалось часа два, потом Ласка оторвалась от меня, спрыгнула с постели и, закинув на плечо свои штаны и майку, как была голышом, открыла дверь и вышла за порог, сказав:

– Хорошего понемножку. Это было здорово, но спать я люблю одна. Ты молодец – как-нибудь повторим это дело. И почему я раньше не спала с теми, кто долго сидел и был все это время без бабы? Я много потеряла!

Она озорно усмехнулась, и ее босые ноги зашлепали по пластиковому полу коридора, я же остался лежать на постели, среди запахов женщины, мокрых пятен и сумбурных мыслей о происшедшем.

«День прошел хорошо», – подумал я и моментально уснул, несмотря на то что тело ломило от непомерных перегрузок, болели синяки от ударов, полученных на тренировке, и ныла вывернутая Мастером рука. А может, именно потому и уснул как убитый – плюс ко всему два часа приятной физкультуры с новой подружкой.

Новый день повторил прежний, без изменений, за исключением того, что больше попыток заставить меня вызвать «слизняка» не было.

Ласка вела себя ровно, будто и не скакала на мне вчера, как на необъезженном жеребце, – похоже, для нее это было не впервой.

В столовой ее не было, так что вечером я поплелся домой один и очень удивился, когда увидел ее в своей постели, уже раздетую и готовую к сексу.

– Ну что встал? Не нравлюсь? – Она приподняла обнаженную гладкую ногу совершенной формы и пошевелила розовыми пальчиками. – Смотри-ка сюда, а мне нравится мое тело!

– Мне тоже оно нравится! – внезапно охрипшим голосом сказал я и, на ходу сбрасывая с себя одежду, помчался к вожделенной цели.

Ласка хихикнула, стала притворно отбиваться, и все закончилось к нашему вящему удовлетворению – стонами, криками, судорогами наслаждения и мокрыми телами, скользкими от любовного пота.

Спал я опять один – да и к лучшему, я тоже не люблю спать с кем-нибудь, самое то – встретились, покувыркались и разошлись по своим комнатам. Только в этот раз я нашел в себе силы дотащиться до душа и все-таки смыть с себя любовные соки и пот – хоть и трудно было поднять свое измученное тело. Подумалось: эдакими темпами я загоняю себя

вусмерть – днем Мастер измывается, вечером Ласка, – и куды крестьянину подацца?

Следующий день принес сюрприз – нет, не в боевой подготовке. В кабинете, где обсуждали мои способности, снова сидели куратор и профессор – я так и не узнал его имени, профессор и профессор, и вообще мне до лампочки его имя. Скорее всего, и у куратора было не то имя, которое он мне назвал. Имена в этом мире рыцарей плаща и кинжала имели второстепенное значение…

– Итак, молодой человек, сейчас вы продемонстрируете нам, как вы умеете напускать порчу. Объектом будет вот этот человек. – Профессор указал на тридцатилетнего мужчину с жестким взглядом и шрамом на щеке. – Сосредоточьтесь и напустите на него порчу. Давайте, давайте, не стесняйтесь – он в курсе, на службе и полностью осознает последствия.

Я пожал плечами, сосредоточился… и у меня ничего не вышло. Еще раз попробовал – опять не вышло. Третий раз – ноль.

– Не могу, не получается, – удрученно сказал я. – Наверное, в прошлый раз у меня вышло потому, что я сильно ненавидел этого полковника, а этого человека и знать-то не знаю.

– Ага. Ясно, – задумчиво сказал профессор, – ментальный барьер. Основан на порядочности испытуемого – нельзя вредить тому, кто не сделал ему зла. Я что-то подобное и предполагал.

Он кивнул человеку в камуфляже, тот подошел ко мне и

ударом ноги в грудь сбил меня со стула, потом начал пинать меня ногами, попадая во все болезненные и уязвимые места. Я вертелся ужом, сопротивлялся, вернее – пытался сопротивляться, но он был безжалостен и избивал меня со знанием дела.

Уже почти теряя сознание от боли в разбитом носу, в отбитых почках, я выстрелил в него «слизняком», и это был «слизняк» в два раза больше, чем на полковнике!

Он обхватил его голову, как огромный нарост, и человек прекратил избиение, застонав и схватившись за нее.

Я злорадно смотрел, как он корчится у стены, и чувствовал, как в меня вливаются силы и заживают мои раны. Легко поднявшись, я сел на стул и продолжил наблюдать за мучениями палача. Кровь у меня уже не капала, синяки исчезли, и даже усталость пропала, будто и не было тяжелого, насыщенного занятиями дня.

– Колдун! Сними с него проклятие! – приказал куратор, с тревогой глядя на корчи человека в камуфляже.

Я немного выждал, кивнул и медленно пошел к пострадавшему. Мне хотелось еще немного оттянуть момент освобождения его от «слизняка» – вливаемая «слизняком» сила была так восхитительна, так хороша… Теперь я до конца осознал, как смог продержаться в вонючем СИЗО – если бы не то, что на полковнике сидел мой «слизняк» и передавал мне его здоровье, мне было бы очень, очень тяжко.

Наконец я справился с собой, подошел к зажавшему го-

лову человеку – было такое впечатление, что его руки уходят куда-то в угольный мешок, – и легко коснулся «слизняка» рукой. Тот привычно неслышно хлопнул и исчез в сером вихре.

Мою голову кольнуло, я потер висок, но все было нормально – никаких последствий резкого разрыва с выпущенной мной сущностью не ощущалось, я также чувствовал прилив сил, свежести и был бодр, как будто отдыхал много-много часов.

Наоборот, палач в камуфляже выглядел отвратительно – он был бледен, исхудал и словно постарел на несколько лет, стоял дрожа и пошатываясь, как пьяный.

Профессор достал телефон, потыкал в кнопки, и через несколько минут камуфляжника укатили на каталке для обследования.

Куратор и профессор были чрезвычайно довольны, только что не мурлыкали:

– Великолепно, молодой человек! Эдак мы и сломим ваш ментальный барьер, и вы сможете кидать проклятие, ненаучно выражаясь, на любого человека! Тут ведь как: надо, чтобы вы знали, что невыполнение приказа – ненаправление проклятия на объект, всегда связано с болью. Ваш организм это запомнит и будет выпускать «слизняка» каждый раз, как вы пожелаете. Кстати, а почему эффект проклятия был таким явным? Мне казалось, что вмешательство в организм проклятого идет слабее, как вы думаете, молодой человек?

И вот тут я допустил ошибку – занятый своими мыслями, ляпнул то, что было у меня в голове:

– Потому, что он сильно избил меня, а «слизняки» это не только и не столько проклятие, они служат для восстановления жизненных сил, здоровья своего хозяина! Вот почему.

Куратор и профессор переглянулись, а потом куратор с непонятной мне интонацией медленно сказал:

– Значит, чтобы ускорить процесс умирания объекта, вытягивания его жизненных сил, надо нанести ущерб твоему телу, и чем больше ущерб, тем больше энергии надо на восстановление, и тем скорее скончается проклятый… ин-те-рес-но…

У меня замерло сердце – ну песец! Какой я болван! Ну кто, кто тянул меня за язык? Эти люди не остановятся ни перед чем… и я дал им такой прекрасный и эффективный способ убивать людей с различной степенью замедления, а самое главное – я при этом буду терпеть страдания! Стоит прострелить мне грудь, когда я буду в связи со своим «слизняком» на жертве, и жертва неминуемо отдаст мне все свои силы! О боже мой… ну я и попал…

В это вечер Ласки не было. Я полазил в Сети, почитал сайты, посмотрел новости и спокойно лег спать. Конечно, мне хотелось бы, чтобы она пришла, – чисто физически, а морально – можно немножко и отдохнуть.

В последующие несколько недель я немного сблизился с

остальными своими соратниками. Особой дружбы не было, она не поощрялась, хотя по понятным причинам никто не собирался останавливать связи между мужчинами и женщинами – даже такие жесткие руководители, как наши кураторы, прекрасно понимали, что нельзя противостоять инстинктам, запретом тут ничего не сделаешь.

Они и не запрещали. Они только нагружали нас так, что домой мы приползали высунув язык, как загнанные лошади.

Ласка приходила ко мне довольно часто – иногда два дня подряд, иногда три, – нас практически ничего не связывало, кроме отмороженного, отвязного секса, в котором она была мастерица, не знавшая никаких запретов, никакой брезгливости или недозволенности.

В нашей паре, скорее всего, вела она – несмотря на кажущуюся хрупкость и субтильность, обладая сильным, развитым телом и железной волей.

Мы не разговаривали ни о чем, кроме секса и некоторых нюансов работы. Иногда мне казалось, что рядом со мной лежит не человек, не женщина, а некий прибор, механизм для удовлетворения моих страстей, а иногда – наоборот – что я для нее не парень, с которым она проводит время, а механизм для удовлетворения ее похоти.

С этими рассуждениями я совсем сломал голову и решительно приказал себе забыть о них: идет как идет – мне хорошо с ней, лучшей сексуальной партнерши у меня не было за всю мою недолгую жизнь (чего там, пара девчонок, одна

из которых меня наградила триппером, пришлось втихую от матери колоть уколы), так что зачем мне суетиться? Нет душевной близости? А может, и к лучшему – зачем мне сейчас создавать какие-то отношения, в которых я точно долго не останусь, после того как покину это заведение, после обучения.

А обучение шло полным ходом – скоро мы занимались по десять часов в день, и темп тренировок нарастал.

После того как несколько месяцев нас готовили к рукопашным боям, настал момент, когда мы должны были показать, на что способны, как мы усвоили уроки убийства. Да, мы спарринговались, да, иногда даже наносили друг другу такие удары, что противник терял сознание, несколько дней не мог заниматься, но мы не убивали. А без того чтобы убить по-настоящему – какие мы убийцы.

Наши добрые наставники это предусмотрели – мы не только должны были быть настоящими убийцами, но еще и должны были быть повязаны кровью, до конца.

В общем, настал черед «манекенов». Да, именно так здесь называли людей, которых мы должны были убить. К этому нас подводили месяцами, промывали мозги: рассказывали об очищении государства от плохих людей, о тех, кто не имеет права жить – педофилы, маньяки, серийные убийцы, сумасшедшие изуверы, – да, я знал о таких, всегда знал и, когда видел их по телевизору, негодовал, что их оставляют жить, сажают в какие-то колонии пожизненно… уничтожать их на-

до! Вот только никогда не задумывался – а кто будет их уничтожать, *кто* будет палачом?

Теперь оказалось – палачами предстояло стать нам. Это произошло после полугода нашего обучения. К этому времени мы прошли большой курс рукопашного боя, с оружием и без оружия, фактически уже были на уровне сильного спецназовца – наверное, еще круче, специальные тренировки, ежедневно, без выходных, без праздников, по шесть часов в день, волей-неволей станешь крутым.

Так что однажды утром Мастер встал перед строем и сказал:

– Сегодня приступим к реальным боям с реальными противниками. Никаких ограничений. И у противника и у вас задача одна – убить. Если он убьет кого-то из вас, его статью переквалифицируют, или его спишут по здоровью – якобы умер, а на самом деле куда-нибудь переведут, это ему обещано. Вы должны его убить любым доступным способом – рукопашным или своими способностями. Как умеете. Но убить обязательно. У вас сегодня будет по два противника. И так будет постоянно, все время ваших тренировок – вы будете убивать людей, пока это не станет для вас простым делом, как нарезать хлеб. Чтобы вас не мучила совесть, скажу, что на счету каждого из этих людей по несколько загубленных душ – некоторые убивали ради развлечения, мучили, пытали, издевались над детьми, рвали их на части. Вы обязательно должны их добить, если раните, как и они добьют вас. Ес-

ли они вас не добьют – убьют их. Если вы не добьете – вас изобьют так, что вы долго не сможете встать, а потом снова поставят напротив этого противника. Остаться в живых должен только один, учтите это. Скидок на то, что против вас мужчина сильнее и выше вас, не будет. Вы подготовлены, они нет, вы тренированны, а многие из них нет, хотя среди них есть очень сильные и тренированные люди – бывшие бойцы, боксеры, единоборцы. В общем, все как в жизни. Теперь вы будете в месяц убивать по несколько человек, сколько – это решим мы, когда увидим, что вы готовы к убийству. Выбор противников определяется жеребьевкой – вон там стоит коробка, идете и вытаскиваете по одному номеру. Все, пошли!

И мы потянулись к простой картонной коробке, в которой лежали чьи-то жизни…

Глава 4

Я был четвертым, кто сунул руку в эту коробку.

Мне достался номер тринадцать – забавное совпадение, ну всегда мне он достается, тринадцатый номер.

Я не знал, кто он будет, тот первый человек, которого я убью в поединке. Первый ли? А полковник? А мордоворот в СИЗО? Да, я их убил, но это было совсем по-другому. Теперь я должен был убить совершенно неизвестного мне человека – пусть, возможно, и нехорошего, но мне лично ничего не сделавшего. От этого у меня все в душе переворачивалось. А что, я должен подставить себя и свою мать под удар из-за какого-то незнакомого типа? Нет уж, тюремный закон гласит: «Ты сдохни сегодня, а я – завтра». Жизнь в тюряге кое-чему меня научила, пусть я и не очень долго там был.

Ласка тоже выбрала себе жертву в картонной коробке и уселась на скамью рядом со мной. Ее ангелоподобное лицо с огромными глазами было спокойным и умиротворенным. За то время, что я с ней был, я так и не узнал, как она сюда попала, мне было известно лишь, что ее прихватили за какое-то убийство – то ли приревновала кого-то, то ли хотела денег срубить, – в общем, Лаской ее прозвали не зря…

Не было никаких клеток, как в фильмах про бойцов, не было никаких зрителей или орущих болельщиков – все обыденно, спокойно, и тем страшнее.

В стене, позади того места, где мы ожидали боя, открылись неприметные двери, и оттуда вывели человека средних лет, похожего на бухгалтера, – ну типичный Чикатило.

Мастер объявил:

– Номер шесть!

Встал один из наших парней, приготовился, Мастер подал команду… заключенный умер через три секунды: удар в шею заставил его потерять сознание, а следом послышался хруст позвонков – Тень сломал ему шею. Заключенного уволокли.

– Номер три!

Встала небольшая светленькая девушка с симпатичным грустным лицом, звали ее, как мне помнится, Заря – против нее стоял здоровенный детина, выше больше чем на голову, с руками как грабли.

Он с усмешкой посмотрел на стоящую перед ним пигалицу и изготовился к бою.

Противник успел нанести несколько ударов, прошедших мимо цели – гибкая девушка каким-то образом пропустила их рядом с собой так, что они не коснулись ее тела (сразу вспомнились занятия с Мастером, когда он обстреливал нас вначале мячами, а потом перешел на пластмассовые тяжелые полнотелые шары, не увернулся – вот тебе синяк или выбитый зуб). Затем с ним что-то случилось – он зашатался, закрыл глаза руками, как будто его разум помутился, а девушка нанесла ему сокрушительный удар в сонную артерию кулаком и, уже упавшему как гора, свернула шею, отчетливо

хрустнувшую на весь зал.

Неожиданно ко мне сзади подошел Николай, сопровождавшие его куратор и профессор остановились у стены, наблюдая за происходящим на «арене», где добивали очередного «манекена».

Кстати сказать, из шести заключенных еще ни один не только не выжил, но и не смог оказать даже достойного сопротивления Теням, хотя было видно, что некоторые уголовники совсем не промах в деле подраться.

– Подойди к куратору, – шепнул Николай и отошел в сторонку.

Встав, я сделал несколько шагов и оказался перед двумя моими начальниками, с интересом наблюдающими за убийством людей.

– Я слушаю вас.

– Колдун, тебе приказ: когда выйдешь биться, применять физическую силу по минимуму и практически не уклоняться от ударов. Учти, если не выполнишь, нам придется проводить эксперимент по-другому, и тебе будет гораздо хуже! – Куратор жестко посмотрел мне в глаза. – Тебе в общем-то ничто не угрожает, сам знаешь – бросаешь на него проклятие и ждешь, когда твой «слизняк» его задушит, восстанавливая тебя. Мы хотим увидеть, как это произойдет. Ты понял меня?

– Понял.

Я отошел от своих «благодетелей», меня душила злоба –

так хотелось их убить, и даже просто голыми руками. Без всякого колдовства. Но я проглотил злобу, сел на свое место и стал наблюдать за поединками.

Следующей вышла Ласка против высокого парня с хищным кавказским лицом, я где-то его видел, вроде как по телевизору – один из боевиков, организовавших много взрывов и убийств в русских городах, – он точно заслуживал смерти, но как это сделала Ласка, запомнилось мне на всю жизнь, тут я и понял, какое ее свойство было паранормальным и почему ее прозвали Лаской.

Кавказец злобно ухмыльнулся, сплюнув на пол, когда увидел, что против него вышла девушка, хрупкая и гибкая, как тростинка, похожая на ученицу девятого класса, а не на убийцу, Терминатора какого-нибудь.

Он почти успел дотянуться до нее кулаком, когда Ласка вдруг превратилась в смутное пятно – на тренировках она никогда не показывала такой скорости, видимо, она возникала только в экстремальной ситуации. Ласка просто размазалась по пространству, секунда – и у боевика были вырваны глаза, повисли на каких-то тяжах, сосудах, еще секунда – и боевик стоял с вырванным горлом, кусок его остался у Ласки в руках.

Она бросила вырванный кусок мяса на пол, он шлепнулся со смачным звуком, а девушка подняла руку вверх и слизнула ручеек крови красным язычком, которым так часто меня ласкала…

Боевик, булькающий горлом, из которого толчками выливалась кровь, упал на пол и задергался в конвульсиях. Мозг его уже отключился, но тело не знало, что оно умерло, и сопротивлялось смерти. Наконец он затих.

Честно говоря, мне было его не жалко – он загубил столько народу, что за каждого человека его следовало трижды убить, много сотен раз. Но то, как сделала это Ласка, наслаждаясь убийством, наслаждаясь вкусом и запахом крови, меня просто потрясло – похоже, она была немного сумасшедшей, и, если бы не эта организация, быть ей убитой или быть там, с той стороны, в рядах наших противников.

Впрочем, женщин у нас не сажают пожизненно… особенно таких красивых. Что бы они ни сделали…

Ласка села рядом со мной, а я старался не смотреть на нее – почему-то мне стало неприятно, как будто все это время я спал не с красоткой, а с маньяком-убийцей, который в любой момент мог лишить меня жизни. Может, такого эффекта и добивались организаторы этого действа – показать: если вы выйдете из-под контроля, за вами пойдут вот они, ваши так называемые товарищи, и пощады тогда не ждите!

Следующим был назван мой номер, и я, немного мандражируя, вышел на место боя. Оно вновь было сухим и чистым – пол уже оттерли, труп унесли.

Из дверей вышел человек ростом с меня – по тому, как он двигался, я понял, что это опытный и умелый боец, скорее всего боксер или рукопашник.

Как потом я узнал от Николая, это действительно был бывший рукопашник, занимавшийся в бандитской группировке ликвидацией людей по заказу, а также соратников, проштрафившихся и приговоренных авторитетами. Прихватили его только потому, что бандиты, напуганные уничтожением своих товарищей, сами заложили киллера, боясь его больше, чем отсидки. Погоняло его было, как ни удивительно, Боксер.

Он двигался легко и непринужденно, и первые удары пошли в меня как из пушки – я едва успел их блокировать, уведя в сторону мягким движением руки. Я бы мог его сейчас серьезно травмировать или покалечить – в меня вбили уже столько способов убийства руками, что я с трудом остановил начатое движение, – но Боксер решил, что я просто лох, который не может ответить, и вихрем набросился на меня, сразу разбив мне бровь, а когда его кулак угодил в солнечное сплетение, я чуть не потерял сознание. Как мне и велели, я специально принял на себя эти удары – что делать, приказ есть приказ.

Когда он отскочил от меня, я выпустил «слизня», тут же вцепившегося в голову противника – излюбленное место нападения моих «слизней», сам не знаю почему.

Боксер вздрогнул, скривился, его ехидная улыбка потухла, но он собрался с силами и бросился на меня, молотя кулаками, как грушу.

Каждый удар его достигал цели, но я восстанавливался

быстрее, чем он наносил удары, и скоро он стал шататься, превратившись из мощного, могучего бойца в дряблую костлявую развалину, а затем вовсе упал на пол, где и остался, тяжело и с присвистом дыша.

Я подождал несколько минут, стоя над ним, но этот парень оказался крепким, никак не хотел умирать, а может, не мог – я ведь уже восстановил силы, так что «слизняк» почти не оттягивал от него энергию. В общем, мне пришлось уничтожить «слизняка» и сломать противнику шею. На этом бой закончился.

На моем лице не осталось ни следа от травм, тело пело, насыщенное энергией, и только моя одежда – все кимоно было залито моей кровью – напоминала о только что прошедшем бое и понесенных мной увечьях.

Уйдя с места боя, я подошел к куратору и тихо сказал:

– Довольны? Хватит вам этого зрелища или еще раз повторить?

– Достаточно, – с довольной миной сказал профессор, и ему вторил куратор:

– То, что хотели увидеть, мы увидели. Следующего противника можете бить как хотите.

Я бесстрастно кивнул и сел на свое место рядом с Лаской, которая с недоумением и некоторой неприязнью смотрела на меня. Она видела, как противник бил меня как грушу, и не понимала – почему я веду себя как безнадежный увалень.

Да мне было плевать, что она думает, – честно говоря,

прошлый ее бой открыл мне глаза на то, кем она на самом деле является: кровожадная убийца, наслаждающаяся убийствами и кровью жертв. Впрочем – а кто я? Я – не хуже ли нее? Черный колдун, высасывающий жизнь из людей, вместо того чтобы их лечить!

Следующие противники были вооружены ножами – сантиметров тридцать длиной.

Впрочем, успеха им это не принесло, «манекены» быстро были уничтожены – их же ножами или точными ударами в жизненно важные центры тела.

Ласка, убив своего противника, сделала то же самое, что и после прошлого боя, только еще, облизнув окровавленную руку, посмотрела мне в глаза – может, почувствовала мое неприятие этого пира убийств, а может, считала, что так выглядит в моих глазах соблазнительнее. В любом случае – я знал, что прежних отношений уже не будет. Я никогда не смогу забыть того, что видел.

Мой следующий противник довольно умело махал ножом, но скорость его оставляла желать лучшего – первым же блоком я сломал ему руку в локте и тут же перебил горло страшным ударом. Никаких магических штучек, никаких «слизней» – две секунды, и труп.

Подумал: «Видела бы мама, во что я превратился, или тетя Оля – которая всегда говорила, что я олух царя небесного и что я тюфяк, который никогда не сможет постоять за себя, даже если об него будут вытирать ноги».

После сегодняшнего побоища нам объявили сокращенный день и отпустили отдыхать. Я гадал, придет ли ко мне Ласка, но так и не решил, хочу ли ее видеть. Чисто физически, наверное, да, хочу – долго обходиться без женщины вообще тяжело, а уж привыкнув к такой красотке… совсем худо было бы без бабы. Но и думать о том, что она в любой момент может вырвать тебе горло, как-то не очень хотелось.

В этот день я напился до поросячьего визга, благо, что на кухне имелся запас крепкого спиртного – коньяка, виски.

Очнулся я только глубокой ночью, в луже блевотины, дрожащий от холода.

Раздевшись, встал под горячий душ и с наслаждением почувствовал, как вода смывает сегодняшний негатив и клейкие вонючие выделения моего желудка…

С этого дня нам регулярно привозили людей, которых мы убивали различными способами – были поединки и на палках, и даже на саблях, организаторы этого действа, кажется, соревновались в придумывании различных способов уничтожения «манекенов». Может, через камеры они снимали все это на пленку? Ну что снимали-то это точно, вот только не верилось, что они это делают в коммерческих целях, ну как в кино показывают – тотализаторы там всякие… впрочем, все может быть. Этого я не знаю и не узнаю, наверное, никогда.

Наши отношения с Лаской охладели – нет, мы не оборва-

ли их сразу, она еще несколько раз ко мне приходила, но все реже и реже, а потом перестала приходить вообще.

Через какое-то время я увидел ее с молодым парнишкой, само собой из наших, она шла в его комнату и даже не оглянулась, когда я проходил в этот момент мимо нее.

Почему-то меня это вовсе не задело… умерла так умерла.

После этого я пустился во все тяжкие – переспал практически со всеми девушками в группе. По-моему, только с одной не переспал, и то только потому, что она была не в моем вкусе – похожа на доярку из «Особенностей национальной охоты».

Конечно, я не против крепких девушек с глупым выражением лица, но спать с ними как-то не желаю. Увы, ни одна из них и близко не дотягивала до умения и сексуальности Ласки, после нее мне трудно будет подобрать сексуальную партнершу – когда поешь деликатесов, нелегко потом переходить на пшенную кашу. Но я довольствовался тем, что есть, а однажды, когда мне не хотелось видеть никого из моих «подруг», хотелось отдохнуть от всех, кого лицезрел каждый день, я взял и сказал вслух:

– Хочу женщину, не старше двадцати лет, брюнетку, ниже меня ростом, с короткими волосами и стройной фигурой!

Смешно – но через двадцать минут в мою комнату вошла прелестная брюнетка, улыбнулась, стянула с себя короткое, практически микроскопическое платье и занялась моими сексуальными проблемами.

Через два часа добротного секса спросила, не хочу ли я, чтобы она осталась на ночь, я отказался, девушка мило улыбнулась, оделась и вышла из комнаты.

Я полежал немного и решил, что это было хорошо, и на хрена мне заморачиваться, окучивая моих соратниц-убийц, когда можно вот так, спокойно и беспроблемно воспользоваться услугами прелестной красотки.

Подумал еще и громко сказал:

– Спасибо за подарок. Завтра опять вызову. – И пошел мыться.

Наша учеба продолжалась. Нагрузка стала такой мощной, что из моих девяноста килограммов осталось только восемьдесят, я стал жилистым, как вяз, каким-то узловатым – когда я стоял перед зеркалом в ванной, в нем отражался высокий парень с хмурыми глазами, перетянутый мышцами и жилами, как подсушенный культурист, и они все двигались, двигались, двигались…

Вообще-то мне понравилось то, что я видел в зеркале, но какой ценой это достигалось!

Двенадцать часов занятий в сутки. Первая половина дня – физические тренировки, к ним добавилась еще и стрельба из всех видов стрелкового легкого оружия, включая луки и арбалеты. Кстати, тут, как и в метании ножей, у меня неожиданно открылся талант – я спокойно всаживал со ста метров чуть ли не стрелу в стрелу, что из лука, что из арбалета.

Впрочем, из боевого арбалета стрелять было проще, чем

из лука, это выглядело почти как стрельба из пистолета, даже прицел на арбалете был лазерным – куда точка упала, туда стрела и попала. Легко. Для меня. Некоторые же курсанты учились этому долго и трудно.

Ножи я тоже метал легко и точно – они почему-то летели всегда острием и втыкались туда, куда нужно, до миллиметра. Мастер даже сказал, что у меня талант к этому делу и я мог бы выступать в цирке – если бы не надо было убить кучу народу, мешающего стране жить. Шутка это такая у него была. Фонтан искрометного юмора, типа того.

Учились мы и менять свою внешность. Мне довелось быть и стариком, и гопником, и даже здоровенной дамой – типа Верки Сердючки, только выше на голову. Курсанты похохатывали, глядя, как я старательно ковыляю в туфлях на высоком каблуке, пришлось научиться передвигаться на этих ходулях – через две недели я уже вышагивал как заправская гламурная кисо.

Зачем все это было? Нам объясняли, что мы должны уметь подойти к объекту незаметно, так же незаметно от него уйти: малейший шум для любого разведчика, диверсанта или ниндзя вроде нас – это провал, огрехи в работе. Подошел, незаметно убил – и незаметно ушел.

Учили нас и воровать – это искусство оказалось очень, очень сложным. Не зря в тюрьме щипачи – воры-карманники считались одними из самых уважаемых людей. Попробуй-ка сопри что-то у живого гражданина из кармана, при-

легающего к телу, да еще на глазах окружающих – но это было необходимо для работы, мало ли что может случиться с ниндзя-Тенью, когда он будет на задании.

Да и стимул учиться был весомый – экзекуции были не редкостью, тех, кто не старался справиться с заданием, Мастер несколько раз избивал так, что их уносили с помоста без сознания, и тут уже никакие паранормальные способности не помогали – их запрещено было использовать против администрации учебки.

Трижды я видел, как устраивали аутодафе для проштрафившихся курсантов – дважды это были парни, один раз девушка. Их за руки привязывали к перекладине, предварительно сорвав с них одежду, и били палками, пока все тело не покрывалось синими полосами, а местами не выступила кровь. Калечить, конечно, не стали, агент с особыми приметами, например от порки, никому не нужен, но всем показали – вот так будет с теми, кто проигнорирует приказы начальства. Все это запомнили…

Я не подвергался ни наказанию, ни особым похвалам – кроме как от Мастера по стрельбе и метанию ножей, старался не высовываться из середнячков, по всегдашней своей привычке не лез на рожон, а потому мои дни шли тихо и размеренно, если не считать те, когда нас заставляли убивать «манекенов». Сколько я их убил, уже не помню. Все они слились для меня в аморфную массу фигур и лиц, я и не хотел их запоминать – так было легче.

После полугода обучения начальство посетила новая шиза – нас стали обучать языкам. Проходило это методом погружения – то есть все говорили с нами исключительно на английском языке, и даже между собой нам было запрещено общаться на русском – только английский, до особого распоряжения.

Вот так пострадала та единственная девушка, которую поставили перед всеми голышом и высекли, превратив тело в сплошной синяк, – она взбрыкнула и высказала свое недовольство. Больше она его не высказывала…

После того как все свободно стали общаться на английском, в том числе вести записи (поганцы – даже телевизионные передачи пропускали только на английском!), нас перевели на немецкий, испанский, португальский, французский… на каждый язык уходило месяца по два – если медведя сильно бить, он начинает ездить на велосипеде.

Последующие языки уже давались легче – видимо, сказывалось знание предыдущих языков, они были все-таки из одной группы. Вот китайский – это улет, тут всем пришлось туго, здесь уже взбрыкнул один из парней, за что и был высечен.

Что интересно, Мастер продолжал обращаться к нам по-русски – правда, мы должны были отвечать на том языке, который в этот момент осваивали. Впрочем, если он и не знал какого-то языка, по нему это не было видно – возможно, он и владел большинством тех языков, что мы изучали.

По правде сказать, и отвечать-то ему обычно было нечего – он просто ставил задачу, и ты должен был ее выполнить, не выполнил – спарринг с ним, где он избивал иногда до потери сознания, не смотря, кто перед ним, мужчина или женщина.

Победить его было нереально – это на самом деле была машина для убийства, если мы тренировались полтора года каждый день, то он это делал двадцать или тридцать лет.

Как я понял по отрывочным мимолетным сведениям, собранным с помощью наблюдений и сопоставления фактов, Мастер происходил из семьи, потомственно связанной с ниндзя, и был взят на службу много лет назад, вначале в качестве оперативного агента, а потом тренера-наставника. В его облике проглядывало что-то восточное – немного раскосые глаза, какие-то движения, мягкие, как у кошки. Он был невысоким, но невероятно сильным, его тело практически было стальным, пробить его пресс не представлялось возможным – удар шел как в стену.

На втором году тренировок нас стали обучать чему-то вроде паркура – то есть бегать через препятствия в городе, с огромной скоростью, на ходу преодолевая оконные проемы, лестницы. Это было понятно, уйти от погони – агент должен это делать лучше всех, несмотря на то что нам вдалбливалось в голову: раскрытый агент почти бесполезен. Но ведь и терять агента, в которого вложили столько денег и усилий, не хочется… да и не простые агенты мы были.

Через несколько месяцев мы уже могли бы соревноваться с паркурщиками, которые совершенствовались в этом деле годами – побегай-ка каждый день, да по несколько часов, да встречая по пути людей, которых надо выключить в схватке, да стреляя на ходу по мишеням на точность или метая ножи.

Кроме того – мы плавали, ныряли, просто так и с аквалангами, дрались под водой без оружия и с оружием, стреляли под водой и из воды.

Обучались и вождению автомобилей – огромный полигон содержал для этого все необходимое, не было только танков и вертолетов. Впрочем, для обучения их вождению были тренажеры, полностью имитирующие процесс.

В учебных классах нам преподавали способы убийства с помощью различных ядов, которые мы могли приготовить в домашних условиях из подручных средств, как и противоядия, – а ну как доведется вместе с жертвой выпить свою отраву, надо же как-то спастись. Занимались приготовлением взрывчатки, изготовлением отравленных пуль и стрел, стрелок для духовой трубки, изучали специальные средства – типа ампул, раздавив которую в закрытом помещении ты убиваешь всех нервно-паралитическим газом за несколько секунд, если, конечно, предварительно, за несколько часов ты принял противоядие, нейтрализующее действие этой пакости. Иначе самому кранты…

Очень трудно дался мне курс обучения, который я назвал бы – «Грязь».

При моей чистоплотности я с детства терпеть не мог не то что грязного тела, но и каких-то запахов типа сортирных – меня с них просто мутило, то-то мне так трудно было сидеть в СИЗО. Убийца должен быть абсолютно устойчивым к таким раздражителям – вдруг придется спасаться по канализационным трубам, лежать в грязи, в дерьме… Вот нас и заставляли лежать и ползать в дерьме, в грязи – тренажеры полностью имитировали канализационные трубы, заполненные полусгнившим дерьмом, и мы сутками находились в этой пакости, пока у всех не исчез рвотный рефлекс.

Запах падали – рядом с полуразложившимся трупом собаки, покрытым белыми отвратительными червями, я однажды пролежал сутки – казалось, этот запах, въевшийся в меня, не исчезнет никогда.

Но вот трупы людей… где они взяли эти трупы? В морге? Или это были трупы тех, кого мы убивали на спаррингах? Наверное.

Эти раздувшиеся, отвратительные, с хлопаньем лопавшейся кожей, раздутой газами, и оскалом полусгнившего черепа – они будут мне сниться еще много лет… если я выживу.

Приходилось взваливать их на себя, маскироваться под труп и лежать часами, долгими, долгими часами, ощущая, как на тебя капает гнилостная жидкость из раздувшегося тела.

Тогда и сорвался второй из парней – возмутившись, за-

явил, что это бесполезная тренировка, ни к чему не пригодная, а он трупов боится с детства. Его избили, потом посадили в яму с дерьмом, где он и сидел по шею, без воды и еды.

Кстати сказать, ямы с дерьмом не избежали и все мы, сидели там как миленькие. Ну это-то я еще понимал: вдруг дожидаться жертву, например, какого-нибудь боевика, бандита, придется где-нибудь в сортире в сельской местности.

Как по контрасту, одновременно нам преподавали умение вести себя в обществе, одеваться, понимать живопись и искусство – слава богу, хоть не требовали петь или играть на музыкальных инструментах, у меня к этому никогда не было склонности.

Позабавил курс обольщения – как обольстить женщину (соответственно для женщин – как обольстить мужчину), как вести себя в постели, что нужно уметь, как двигаться и – опять же для женщин – как изображать оргазм, если его нет.

Приглашались объекты соблазнения – после них можно было стать импотентом – толстые и худые тетки разных возрастов, и мы, мужчины, должны были изображать неземную страсть и удовлетворять их по всем правилам.

Хорошо хоть, что времени на обучение этому отвели немного, иначе и правда могли привить отвращение ко всему женскому роду. Столько уродин в своей постели я не видел никогда, ни до, ни после.

Это все было понятно – агент должен уметь втереться в доверие, соблазнить женщину, доказать ей, что он не ради

денег или доступа к чему-то тайному ее соблазнил, и изобразить настоящую неземную страсть.

Трудно изображать страсть к стодвадцатикилограммовой туше, которая радостно похрюкивает под тобой во время акта и требует активности в постели…

Женщинам вроде как должно быть проще, но одна из случайных партнерш-курсанток жаловалась мне на то, что от них требуют всех удовольствий, какие может предложить женщина, вплоть до совершенно извращенных, и чтобы при этом она еще стонала, кричала якобы в потрясающем оргазме, – и я подумал, что это, пожалуй, еще хуже, чем упражняться с толстушкой, пахнущей потом и селедкой.

Тяжко далось сыроедение – это когда какое-то животное убивают голыми руками, раздирают на части и поедают еще сырым, теплым, выпивают кровь. Жрали всё – кошек, собак, баранов, змей… Я зажал себя и старался не думать, что делаю. Человека убить мне было уже несложно, но убить кошку или собаку – все в душе переворачивалось.

Увы, тут всегда действовал принцип – или ты убиваешь, или тебя убивают. И мы убивали, жрали, лежали в дерьме, снова убивали и к концу второго года обучения превратились даже не в людей-убийц, а в каких-то монстров, человекоподобных машин для убийства.

Но, как оказалось, обучение еще не было закончено. Это была только теория… практика началась позже.

Однажды нас всех собрали в учебной комнате, и Николай

сказал нам:

– Вы закончили теоретический курс. Теперь вас будут выводить на практические занятия – в город, в село, в лес. Не забывайте, что за вами сверху постоянно наблюдает спутник, и не один, мы знаем о всех ваших передвижениях, о всех ваших словах, все ваши помыслы – если попытаетесь бежать, поймаем, и наказание будет очень жестоким, как и за отказ выполнить задание. Надеюсь, за два года в этих стенах вы уже поняли, что с вами не шутят! Вы – наши. И всегда будете наши. Назад дороги нет: не выполняете условия – вы погибнете. Я вообще удивлен, что у вас *все* дожили до окончания курса. Видимо, сказалось то, что ваша группа особенная, обычно при обучении гибнут процентов тридцать – сорок курсантов. Да, вы не одни проходили такие курсы, есть и еще группы, и в случае вашего неповиновения они будут вас выслеживать и убивать, как и те, кто сидит сейчас рядом с вами, – иначе погибнут сами. Каждый из вас должен быть готов выполнить любой приказ – даже если вам скажут убить своего товарища, с которым вы учились тут два года. Или подругу, с которой делил постель эти годы. Или друга. Запомните – вы не принадлежите себе, вы оружие, которое мы выковали. Ладно, перейдем к делу. Завтра вы будете заброшены в город. Ночью, парами, в самый криминальный район. Назовем это – операция «Чистка». Города будут разные, крупные и не очень, девушки должны быть в вызывающе откровенных нарядах, завлекательно накрашены, парни наде-

нут очки без диоптрий, одежонку попроще. Цель – спровоцировать хулиганов, чтобы они зацепились за вашу девушку и попытались напасть на вас. Ваша задача – убить всех, кто при этом будет. Если попадется прохожий, который это увидит и сможет вас опознать, – убить и его. Повторяю: мы следим за вами. Если вы не выполните приказ – будете жестоко наказаны. Партнеры будут выбраны произвольно, по нашему выбору. Одежда вам уже приготовлена. Разойтись по своим комнатам и ждать указаний.

Придя в свою комнату, я переоделся в маскарадный костюм, посмотрел на себя в зеркало и усмехнулся. Ужасные брюки фабрики «Волжанка», джемперок из той же коллекции «прощай молодость», какие-то плетеные сандалии коричневого цвета, очки… ох уж эти очки! Это было конкретное издевательство – коричневая оправа из дешевой пластмассы, стекла, через которые я видел как обычно, но со стороны казалось, что без этих очков я и трех шагов не смогу сделать. В общем, отвратительный ботан, которому так и хочется дать в глаз.

Будущее задание не вызывало у меня протеста, я ненавидел гопников, как и каждый нормальный человек, очистка мира от них – дело святое. Но занимало меня совсем другое – как мне выбраться из всей этой чертовой бодяги? Как, используя свои прежние и новообретенные способности, вырваться из рабских сетей? Тем более что мать моя остается в заложниках.

Решил для себя: пока не буду рыпаться, нужно вначале осмотреться, к тому же нас точно будут сейчас усиленно пасти, отслеживая каждый шаг. Пока я не усыплю их бдительность, о побеге и думать нечего. Каждый месяц я общался со своей матерью – по видео. Она казалась спокойной, только отвечала на вопросы будто механически. Я не понимал почему, потом решил – она все-таки под контролем, рядом чужие, вот и боится говорить, что думает. Скорее всего, ее тоже там держат в ежовых рукавицах, на положении пленницы, так что не стоит ожидать от нее особой откровенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.